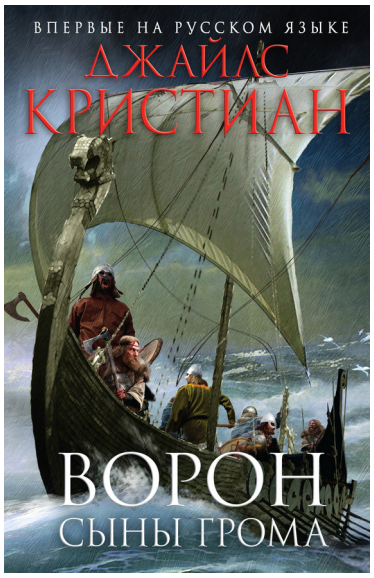

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
ДЖАЙЛС
КРИСТИАН
ВОРОН
СЫНЫ ГРОМА

Ворон

Джайлс Кристиан

Ворон. Сыны грома

«Эксмо»
2010

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Кристиан Д.

Ворон. Сыны грома / Д. Кристиан — «Эксмо», 2010 — (Ворон)

Могущественный норвежский ярл Сигурд Счастливый никому не прощает измены – тем более презренным англам. А ведь их олдермен осмелился нарушить договор о дружбе и бежал на похищенном у викингов корабле, прихватив с собой чужую добычу! Сигурд со своей «волчьей стаей» бросился в погоню, и никому из англов не удалось уйти. Среди вещей олдермена викинги нашли старую книгу – бесценное Евангелие, стоившее целое состояние. Тогда хитроумный Ворон предложил своему ярлу поплыть в Париж, в земли императора франков Карла, и продать ему эту книгу. А чтобы грозный христианский владыка, известный своей лютостью к язычникам, не расправился с ними – прихватить с собой плененного олдермена, дабы тот говорил с Карлом как христианин с христианином. План очень рискован, но викинги – сыны грома – не ведают страха…

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

© Кристиан Д., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Действующие лица 6
Норвежские викинги 6
Уэссекцы 7
Франки 8
Датчане 9
Боги 10
Прочие мифологические образы и понятия 11
Пролог 12
Глава 1 14
Глава 2 19
Глава 3 25
Глава 4 33
Глава 5 35
Глава 6 44
Глава 7 49
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Джайлс Кристиан
Ворон. Сыны грома

© Николенко М., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Посвящается моим родителям – тем, кто правил ветром и поворачивал течение вспять

Действующие лица

Норвежские викинги

Озрик (Ворон)
Сигурд Счастливый, ярл[1]
Улаф (Дядя), капитан «Змея»
Кнут, кормчий «Змея»
Браги Яйцо, капитан «Фьорд-Элька»
Кьяр, кормчий «Фьорд-Элька»
Асгот, годи (жрец)
Свейн Рыжий
Флоки Черный
Бьярни, брат Бьорна
Бьорн, брат Бьярни
Брам Медведь
Бодвар
Арнвид
Аслак
Гуннар
Хальфдан
Халльдор, двоюродный брат Флоки
Хастейн
Хедин
Ингольф Редкозубый
Кальф
Орм
Оск
Остен
Ульф
Ирса Поросячье Рыло

[1] Ярл – вождь скандинавского племени или предводитель войска викингов.

Уэссекцы

Эльдред, олдермен[2]
Кинетрит, его дочь
Отец Эгфрит, монах
Пенда
Маугер
Бальдред
Синрик
Гифа
Ульфберт
Виглаф

[2] Олдермен – должность в средневековой Англии (назначаемый королем правитель графства, отвечающий за соблюдение закона и порядка, а также за оборону).

Франки

Король/император Карл (Великий)
Алкуин, его советник
Фулькариус, начальник береговой охраны
Радульф, начальник таможни
Бернар, солдат
Артмаэль, солдат
Винигис, рыбак
Боргон, епископ Экс-ля-Шапельский
Арно, священник
Берта, аббатиса

Датчане

Стейнн, сын Инге
Рольф

Боги

Один – Всеотец, бог войны и воителей, мудрости и поэзии
Фригг – жена Одина
Тор – победитель гигантов, громовержец, сын Одина
Бальдр Прекрасный – бог света, сын Одина
Тюр – бог сражений
Локи – отец коварства и обмана
Ран – мать волн
Ньёрд – повелитель моря, бог ветра и пламени
Фрей – богиня плодородия и брака, покровительница всего растущего
Фрейя – богиня любви и страсти
Хель – повелительница мира мертвых (в особенности умерших от болезни или старости)
Велунд – кузнец, бог опыта
Эйр – богиня-врачевательница, прислужница Фригг
Хеймдалль – страж богов

Прочие мифологические образы и понятия

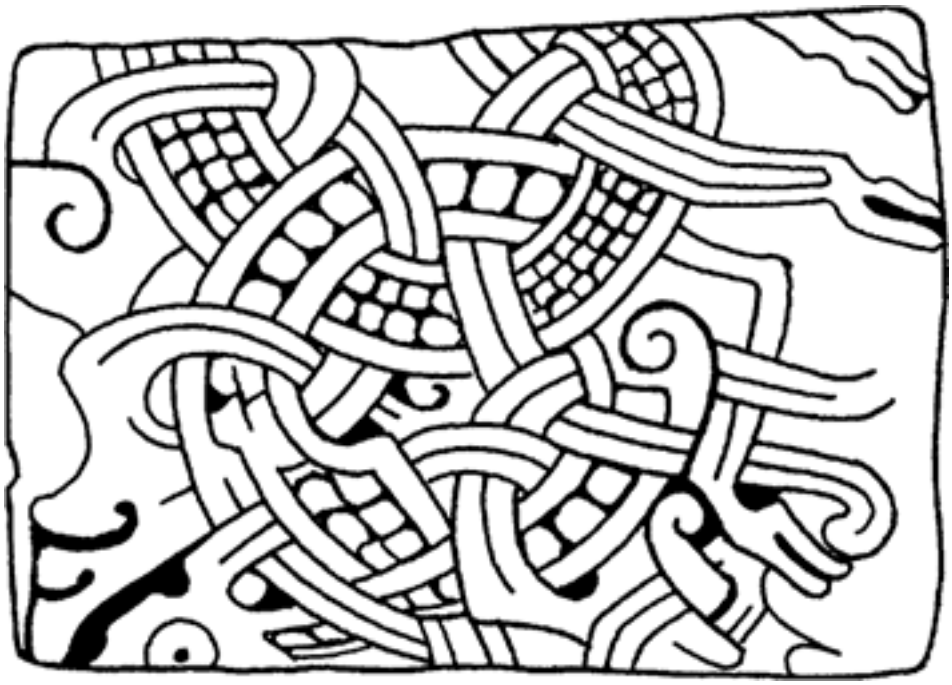
Асы – скандинавские боги
Мидгард – земля, мир людей
Асгард – дом богов
Вальхалла – дворец Одина, куда попадают убитые воины
Иггдрасиль – древо жизни
Биврёст – радужный мост, соединяющий миры богов и людей
Рагнарёк – гибель богов
Валькирии – девы, избирающие тех, кому предстоит погибнуть
Норны – три волшебницы, которые плетут судьбы людей
Фенрир – могучий волк
Йормунганд – змея, обвивающая Мидгард
Хугин (Мысль) – один из двух воронов Одина
Мунин (Память) – один из двух воронов Одина
Мьолльнир – молот Тора
Гьялларбру – мост, ведущий в мир мертвых
Модгуд – великанша, охраняющая мост через реку Гьолль
Гьяллархорн – «кричащий рог», в который Хеймдалль затрубит, когда начнется Рагнарёк
Урд – одна из норн
Фимбульветр – «ужасная зима», предшествующая Рагнарёку
Бильскирнир («Треск молний») – покои Тора
Фафнир («Обнимающий») – дракон, стерегущий несметные сокровища
Слейпнир – серый восьминогий конь Одина
Тангниостр («Скрежещущий зубами») и Тангриснир («Огрызающийся») – козлы, которые тянут колесницу Тора
Глейпнир – волшебные путы из корней гор и птичьей слюны, которыми скован волк Фенрир

Знать, невзгод, покуда
Семьдесят из пенных
Волн взлетает палиц
Длинных, нам не минуть.
Гребут в лад норвежцы,
Словно взмахи орлих
Зришь ты крыльев. Сталью
Борт обшит драконий.

Снорри Стурлусон «Сага о Харальде Суровом»[3]

[3] Пер. О. А. Смирницкой.

Пролог



Доводилось ли вам путешествовать на ладье викингов? Не на кнорре, широком и приземистом, что нагружен товарами и ползет по морю неуклюже, как вьючная лошадь, а на стройном, стремительном, несущем страх и смерть корабле-драконе? Знаете ли вы, каково стоять на носу, когда соленый ветер треплет ваши волосы, а белокурые дочери Ран пеной обступают могучую выгнутую грудь звероподобного судна? Случалось ли вам странствовать дорогой китов вместе с закаленными ветром воителями, чья ловкость во владении секирой и мечом – дар самого Одина, бога войны? С мужами, чья кровавая работа кормит волка, орла и ворона? Мне все это знакомо. Так я жил, и тех, кто носит юбки да молится Белому Христу, при встрече со мною тошнило от отвращения (к которому, надо думать, примешивался и страх). Я был доволен своею долей, ибо одни люди от рождения ближе к богам, чем другие. Норны, сестры провидения, повелительницы настоящего и будущего, сидят близ источника, что зовется Урд, у корней Иггдрасиля, мирового древа, и ткут из нитей человеческих судеб узоры боли и страданий, славы, богатства и смерти. Должно быть, плетя мою жизнь, их многовековые персты утомились.

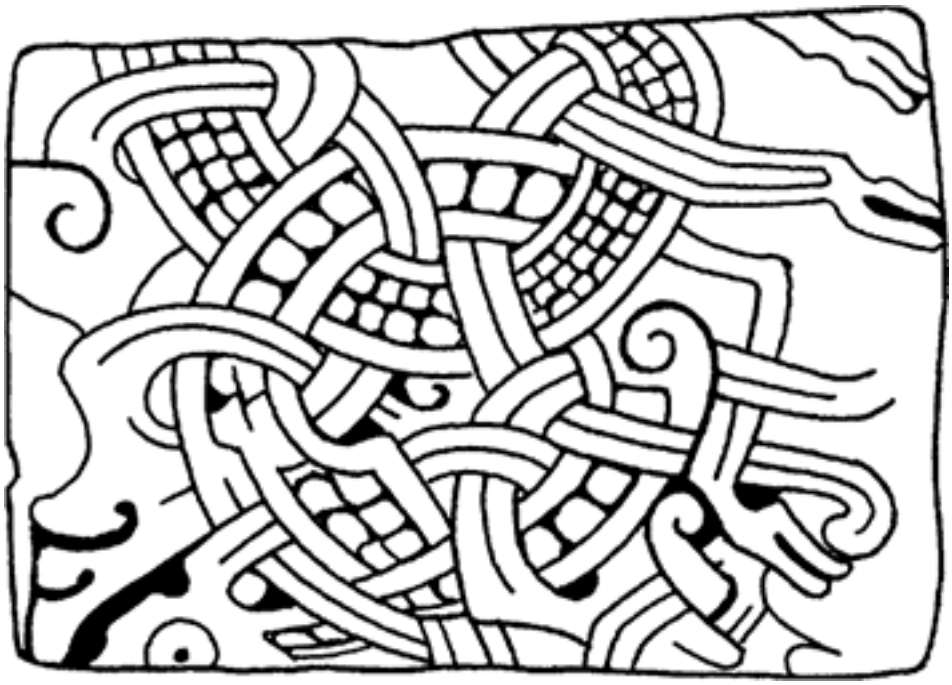
Но об этом после. Мой язык, умягченный пивом, чересчур спешит. Входи, Арнор! Устраивайся на соломе поудобней, Гуннкель! Путь предстоит неблизкий, впереди целая ночь. Скоротать ее нам помогут воспоминания, что сочатся из моей старой головы, как из подгнившей кадки. Вчера вы услышали только начало – поднесли к губам рог с медом и всосали пену. Настало время отведать самого напитка. Верно, Халльфред, оживи-ка эти угли. Пусть пламя пляшет, как в печи Велунда. Да, да, вот так!.. Ингвар, ради Тора, накорми же чем-нибудь своего тощего пса! Ведь он уж целый час гложет башмак какого-то бедолаги! А здесь ли молодая Руна? Нет? Жаль! Ничто бы так не помогло старику слегка позолотить рассказ, как пара пухлых грудей.

Однако, признаюсь, я не скальд. Моей единственной песнью была песнь меча, шепот большого бородатого топора, который я заставлял плясать пред стеною вражеских щитов. Ну а скальды так глубоко забираются в собственные задницы, что среди их пердения не чувствуешь аромата цветов. У этих певцов Сигурд – один из богов-асов, живущих в Асгарде,

и меч его разит горных великанов, а Ворон – красноглазое чудовище, уродливая кровожадная тварь. Тьфу! Да что они знают, эти скальды?! Разве они бороздили море вместе с Сигурдом Счастливым? Сукины дети! Сигурд был не богом, а человеком, и меч его, как и всякое человеческое оружие, был выкован из железа и стали людскими руками, которые знали свое ремесло. Ну а я? Разве я чудовище? В прежние времена я был даже хорош собою… в известной мере. А главное, я был молод. Из плотничьего подмастерья, паренька, что сидел, затаясь, на задворках своей деревни, я превратился в волка среди волков. Меня приняли в воинское братство. Я стал укротителем волн и убийцей людей.

Итак, снимайтесь с якоря, поднимайте старый потрепанный парус! Дневной труд еще не близок, ночь простирается перед нами, как океан, залитый светом весенних звезд. И вот мы отчалили…

Глава 1



Если ты верен товарищам, жить тебе до седых волос. Товарищество – это то, что куется честью и клятвой, что крепко, как медвежья хватка, быстро, как корабль-дракон, и мстительно, как море. Предавший товарищей может считать себя мертвецом, а олдермен Эльдред из Уэссекса нас предал.

Парус был поднят, еловые весла сложены. Люди поправляли свое снаряжение. Они водили точильными камнями по лезвиям мечей, терпеливо обрабатывая зазубрины, полученные в бою, и меня успокаивал мерный звук трения, который смешивался с приглушенными голосами и влажным шепотом моря, рассекаемого носом «Змея». Разложив на коленях свои кольчуги, воины отыскивали поврежденные звенья и заменяли их звеньями кольчуг убитых. Двое викингов, пыхтя, поочередно бросали друг другу увесистый мешок с грубым песком (если положить в песок кольчугу и несколько раз ее так подкинуть, песчинки очистят заржавелую чешую, и она станет как новая). Другие смазывали доспехи овечьим жиром, обматывали рукояти мечей свежей кожей и добротной медной проволокой, чинили ремни щитов и натягивали новые шкуры на липовые рейки. Вмятины на шлемах выправлялись при помощи молотков, острия копий затачивались так, что ими можно было выковыривать улиток из раковин, головки топоров закреплялись (негоже, чтобы они отскакивали при первом взмахе). Люди взвешивали серебро, осматривали меха, спорили из-за трофеев. Кто-то ворчал, кто-то хвастал тем, чем пополнился его походный сундук. Мы вычесывали блох из волос и бород, вспоминали былые сражения, преувеличивая собственную удаль, играли в тафл[4], проверяли, хорошо ли у нашего «Змея» законопачены швы, заделывали дыры в башмаках кусочками кожи. Перевязывая раны, мы говорили о друзьях, теперь пивших мед у Одина в Вальхалле, смотрели на чаек в небе и с наслаждением слушали скрип корабля да тихое постукивание оснастки. В нас ни на миг не угасала вера в то, что морской бог Ньёрд благосклонен к тем, кто его почитает: он наполнит наш парус, и на солнечном горизонте скоро появится наша цель – «Фьорд-Эльк».

[4] Тафл – настольная игра шашечного типа.

В самом деле, нам был послан сильный попутный ветер, и мы шли так быстро, что земля саксов превратилась в полоску, зеленевшую на севере. Милостью Ньёрда Сигурд мог за ночь сократить расстояние между «Змеем» и судном, захваченным англичанами. Мы нагнали бы «Фьорд-Эльк» и обагрили бы свое оружие кровью предателей.

Жрец Асгот извлек из промасленного мешка зайца – жалкого зверька, который, видно, с самого нашего отплытия брыкался и царапался что есть мочи. Мех его был мокр от пота, морда окровавлена, а в глазах горел неистовый страх. Зажав одной рукой головенку животного, старый жрец пронзил его грудь ножом. Заяц отчаянно засучил длинными ногами по воздуху. Даже когда Асгот распорол ему брюхо и внутренности вывалились на ширстрек[5] «Змея», зверек лягался так, будто бежал по летнему лугу и надеялся спастись. Вытерев лезвие о шерсть, жрец вложил нож в кожух, затем вырвал и бросил в море бьющееся сердце и темный клубок кишок. Вслед за внутренностями в воду отправилась тушка. Мы смотрели, как волны уносят наше скромное приношение, пока «Змей» не отошел от того места и растерзанный заяц не исчез среди дочерей Ран. Все это время Асгот молил богов благословить нас хорошей погодой. Отец Эгфрит сотворил крестное знамение, чтобы рассеять чары жреца. Наверняка священник просил своего Иисуса помешать колдовству. Я, однако, стоял в отдалении, не желая слышать христианских бредней.

Бой обещал быть жестоким. Мы намеревались сделать из врагов настоящее кровавое месиво, ведь олдермен Уэссекса Эльдред и его первый воин Маугер, эти никчемные сопливые ублюдки, всех нас предали. Эльдред присвоил священную книгу, Библию Иеронима[6], которую мы похитили у короля Мерсии. Теперь уэссексская жаба спешила продать реликвию христиан императору франков Карлу Великому, или Каролусу, как некоторые его называли. Червь, предавший и покинувший нас, мог получить за книгу несметные сокровища, но христианский бог и его миролюбивый сын недостаточно могущественны, чтобы это произошло. Им не под силу защитить Эльдреда от нас, чтивших истинных богов, древних богов, которые и сегодня заставляют небо сотрясаться от грома и поднимают волны вышиною с утес. Я верил, что за день или два мы догоним «Фьорд-Эльк» и подлый враг будет в наших руках, ведь англичане не знали судна и его повадок. А корабли как женщины: трогаешь одну за те же места, что другую, да ответ получаешь совсем не тот. Сигурд изучил нашего «Змея» до последнего дюйма, а его рулевой Кнут знал каждую крупицу соли в каждой волне, что катилась под нами. Скоро мы должны были поймать и уничтожить англичан.

– Христиане славно умеют блевать, – сказал мне Бьорн (его зубы блеснули в солнечном свете). – И рыбы, я думаю, сегодня недурно пообедают.

– Выходит, мы будем есть рыбу с христианской блевотиной, – ответил я по-норвежски, чтобы Кинетрит меня не поняла.

Они с Пендой стояли бок о бок и, перегнувшись через ширстрек, отправляли содержимое своих желудков в море, которое было так спокойно, что Бьярни, брат Бьорна, вычерпывая трюмную воду, спешил не больше, чем корова, которую ведут на убой. Мне доводилось видеть, как «Змей» гнется и вьется, словно морская змея. В такие часы вода непрерывно просачивалась сквозь швы в корпусе. Сейчас погода стояла совсем не та: море было тихо, как озерцо, волнуемое бризом, но и такого волнения хватило для того, чтобы вывернуть желудки англичан. Мои товарищи-викинги скалили зубы, потешаясь над двумя новичками; ну, а сам я жалел Кинетрит и вместе с тем радовался, что смеются не надо мной: в свое время мне тоже пришлось повисеть на ширстреке.

---

[5] Ширстрек – верхний пояс бортовой обшивки судна.

[6] Святой Иероним Стридонский (342–420) – составитель Вульгаты (перевода Библии на латинский язык, сыгравшего исключительно важную роль в истории католической церкви).

Пенда, англичанин из Уэссекса, был самым кровожадным воином из всех, кого я знал: на моих глазах он перерезал столько валлийцев у замка Диффрин, что трава на лугу вымокла в крови. Теперь же Пенда мутил зеркально гладкую воду своей блевотиной и вовсе не казался свирепым.

– Проклятье! Где это видано – плыть через все море на какой-то щепке! – сказал он, отворачиваясь от борта и проводя по губам тыльной стороной руки. – Варварство!

Я улыбнулся, подумав: «Если мы варвары, то ты благороден, как сто чертей!»

Сигурд поглядел на меня и понимающе усмехнулся: он знал, что не так давно я сам был на месте Пенды. И все же я никогда не называл наш корабль щепкой. Я уважал труд мастеров, которые его построили, потому что мальчишкой ходил в учениках старого Эльстана и научился ценить хорошую плотницкую работу. «Змей» был красавцем. Семьдесят шесть футов в длину, семнадцать в ширину. На него ушло больше двух сотен дубовых стволов, и у каждого борта могли бы усесться шестнадцать гребцов, если б Сигурд не пристроил к корме и к носу площадки для боя, убрав по три весла справа и слева. Всего нас было тридцать три, включая женщину, и, на мой взгляд, нам стало тесновато, хотя и не сказать, чтобы неудобно. Улаф говорил мне, будто однажды (тогда «Змей» был совсем новым, а «Фьорд-Эльк» еще не построили) Сигурд взял на борт двойной отряд из семидесяти воинов: одни гребли, другие отдыхали. Такая многолюдность могла оказаться полезной в бою, но я не представлял себе, как уснуть среди стольких пердящих тел.

У «Змея» имелся небольшой открытый трюм для товара и припасов, а в крепком киле был проделан степс[7]. Обшивка состояла из четырнадцати поясов, над палубой высилась мачта с огромным четырехугольным парусом из красной шерсти, а нос судна украшала голова Йормунганда – змеи, обвивавшей своим телом Мидгард, мир людей. Выцветшие красные глаза этого чудища неподвижно глядели в даль серого моря, в наше будущее. Каждый викинг на борту, каждый воин, сидевший на своем походном сундуке, почитал «Змея», как родную мать, любил, как жену, и наслаждался, как любовницей.

Кинетрит повернулась к нам, отирая со лба пот. Клянусь, ее лицо было зеленым, точно молодой папоротник. Она поймала мой взгляд и словно бы смутилась. Я, отведя глаза, указал Флоки Черному на кусок просмоленной тонкой веревки, выбившейся из шва. Викинг принялся, ворча, запихивать ее заскорузлым пальцем обратно в обшивку. Раньше я подозревал, что Флоки меня ненавидит, но потом мы сблизились и стали братьями по мечу. Сегодня он был задумчив и казался несчастным.

Отцу Эгфриту, насколько я мог судить, движение «Змея» не причиняло страданий. Возможно, это объяснялось тем, что Глум мечом раскроил ему череп, после чего маленький монах умудрился выжить. Более того, он по доброй воле поднялся на корабль, битком набитый язычниками, – вероятно, причиной такой храбрости было опять-таки ранение в голову. Священник всюду совал свой нос, как куница, и все же вызывал у меня своеобразное восхищение, ведь он знал: любой из нас сможет раздавить его, как вошь, если он чем-то нас разозлит, или просто от скуки. Верно, хвастая тем, что его бог превращал воду в вино, раб Христа надеялся точно так же превратить «Змея» в христианский корабль. Хотя, по мне, делать из викингов христиан – все равно что превращать вино в мочу. Может, он даже намеревался переименовать наше судно в «Святой Дух», «Иерусалим», «Волосатое левое яйцо Иисуса» или кто знает что еще? Глуп он был, Эгфрит.

Холодный бриз разогнал дневной жар, и золотой диск солнца скатился на запад, но «Фьорд-Эльк» все не показывался вдали. Йормунганд на носу «Змея» мягко кивал, вперив в море поблекшие красные глаза и неустанно ища ими корабль-брата. Я почти верил, что оскаленная пасть чудища торжествующе зарычит, завидев «Фьорд-Эльк».

---

[7] Степс – углубление в днище или палубе, в которое устанавливается мачта.

– Сдается мне, этот ползучий кусок свиного дерьма взял курс восточнее нашего, – сказал Улаф, окуная кружку в бочонок с дождевой водою и шумно отхлебывая.

Кнут, стоявший рядом с ним, схватил румпель[8] так привычно, как если бы это была рука его жены. Сигурд стоял позади них на возвышении боевой площадки и смотрел вдаль. Солнце, готовясь нырнуть за край земли, омывало золотом его длинные светлые волосы.

– По-твоему, Эльдред настолько хитер? – спросил Кнут, кашлянув и сплюнув сгусток мокроты за борт «Змея».

Улаф пожал плечами.

– Полагаю, – произнес Сигурд, – он достаточно разумен, чтобы не идти посреди открытого моря, как мы, а пересечь его у края и двигаться на юг вдоль берега. Потом он войдет в устье Секваны[9], большой реки, что вгрызается в сердце Франкии.

Улаф недоверчиво приподнял кустистую бровь, а мне подумалось, что Сигурд прав. Олдермен Эльдред – христианин, и франкийские корабли, охранявшие побережье, могли оказаться менее враждебны к нему, чем к нам, язычникам. Зато открытая вода была для него опаснее, чем для нас: погода стояла прекрасная, однако любая перемена ветра или неустранимая течь заставила бы англичанина пожалеть о том, что он удалился от берега. Ведь Эльдред не знал «Фьорд-Эльк».

На волосатом лице Улафа, точно собака на куче соломы, угнездилось насмешливое выражение.

– Стало быть, этот засранец присосался к берегу, как к титьке своей матери, и потому мы даже запаха его не чуем?

Сигурд сжал рот и почесал золотистую бороду, но ничего не ответил. Он поднял голову, определяя направление ветра, трепавшего квадратный парус и заставлявшего плясать толстые канаты, затем посмотрел, как бегут волны, и перевел взгляд на солнце. Оно уже опустилось и четко обозначило запад. Полные губы Сигурда изогнулись, как у волка, который собирается обнажить клыки. Если он прав: Эльдред пересек море в узком месте и оказался севернее нас, у франкийского побережья, – то, когда и мы приблизимся к земле, нам останется лишь бросить якорь там, откуда видно устье реки. И ждать.

* * *

С наступлением сумерек показался берег. Франкия. В ту пору я ничего о ней не знал, но само слово казалось мне тяжелым. Оно означало силу и – по крайней мере, для языческих ушей – опасность. Оно несло в себе звон заостренной стали, ненависть вражеских воинов и алчность новой ненасытной веры – веры в Белого Христа. Ведь королем франков был Карл, властелин христианского мира. Его величали императором, как римских правителей, чьи земли были безграничны, будто небо. Карла называли славнейшим полководцем в целом свете, хотя он поклонялся богу, которого прибили к кресту гвоздями.

– Чувствуете благоухание? – проговорил отец Эгфрит. Он стоял на носу «Змея», стараясь не касаться деревянной головы Йормунганда, видимо, из опасения, что чудовище любит полакомиться христианами. – Так пахнет благочестие! – возгласил он, жадно втягивая носом воздух и блаженно морща свою кунью морду. Побережье виднелось все отчетливее: ровную зеленую полосу разрывала серая скала. – Франки – богобоязненный народ, их король – светоч во тьме. Он – очистительный огонь, спасающий людей от зла. Маяк, чье мощное раздуваемое ветром пламя помогает кораблям не разбиться о камни. – Очевидно, это сравнение очень нравилось монаху. – Если нам посчастливится, мы встретим великого короля.

[8] Румпель – рычаг для поворачивания руля.

[9] Секвана – древнее название реки Сены.

Бог любит его, и он, говорят, щедр и милосерден, поэтому может статься, что и ты, Ворон, омоешь свою черную душу. Всесильный Христос соскребет с нее грех, как жир с телячьей шкуры. Схватит Сатану за кривую ногу и вытащит из твоего кровавого глаза.

Монах усмехнулся, и я подумал, не размазать ли мне его усмешку заодно с головой, но вместо этого ответил ему улыбкой. Хоть Эгфрит и считал меня порождением нечистой силы, никчемным, как улиточья слизь, в нем было что-то, что начинало мне нравиться. Или нет. Скорее, этот человечек меня забавлял.

– Твоему богу потребуются сильные ручищи, монах, если он хочет повытаскивать из нас чертей, – сказал я, указав на своих товарищей-викингов. – Может, дьявол прячется под мышкой у Брама или залез поглубже в задницу к Свейну.

– У греха нет убежища, юноша, – наставительно произнес Эгфрит. В этот миг «Змей» подпрыгнул на своенравной волне. Священник пошатнулся, но все же каким-то образом сумел удержаться на ногах, не касаясь Йормунганда. – Грех искупается смертью, но Господь через сына Своего Иисуса Христа даровал нам вечную жизнь!

– Ворон, о чем скрипит этот человечишка? – спросил Свейн Рыжий, поворачиваясь ко мне и склоняя набок тяжелую голову.

Он драл густые огненные волосы новым костяным гребнем, как видно, позабыв, что у старого от такой работы поломались зубцы. Я никого не встречал выше и мощнее Свейна. Он был грозным воином, не любившим лишних слов, и сейчас смотрел на отца Эгфрита, как охотничий пес, закаленный в бою, смотрит на игривого щенка. Я ответил по-норвежски:

– Говорит, его бог хочет поискать Сатану у тебя в заднице. Я сказал, что тебе это придется по нраву.

Все викинги засмеялись, однако сам Свейн нахмурился, сведя рыжие брови над грушевидным носом.

– Мне не жаль того, что выходит из моей задницы, ни для монаха, ни для его бога. Так и передай, – огрызнулся великан. Под новый взрыв хохота он взял себя за правую ягодицу и пернул так, что даже Ран на дне морском должна была слышать. – На тебе, раб Христов. Бери, пока теплое.

Улыбка еще не сошла с моего лица, когда я поймал взгляд Кинетрит. Стиснув зубы, я обругал себя бревном. Зеленые, как плющ, глаза англичанки были холодны и тяжелы, словно в моих она увидела отражение ужасов, разорвавших на части ее жизнь. Эти воспоминания опалили ей душу, как огонь опаляет шелк. Ее лицо, бледное и осунувшееся от морской болезни, все равно было прекрасно. Она медленно смежила и раскрыла веки, как будто искала свободы в небытии, а потом отвернулась и стала смотреть на далекий берег, к которому, скользя, приближался «Змей». В день сражения с валлийцами эта дева, тонкая, как молодая березка, почти что вынесла меня с поля брани, когда я слишком ослаб, чтобы нести себя сам. Вдвоем мы укрылись в дупле дуба. Она зашила рану на моем плече, кормила меня ягодами и стерегла от врагов. Но отец ее предал нас, и теперь, готовясь ступить на франкийский берег, Кинетрит, конечно, знала, что Эльдреду грозит скорая встреча с нами и что для этой встречи мы приготовили холодную острую сталь. Любой мужчина на борту нашего судна, не считая, пожалуй, отца Эгфрита, был в бою искуснее меня, поэтому честь убить английского червя вряд ли могла достаться мне. И все же я мечтал сразить его своим мечом, ведь он предал моего ярла и причинил боль Кинетрит, а сам я (и это главней всего) был молод и тщеславен. «Возможно, когда олдермен будет мертв, – думалось мне, – Кинетрит обретет покой. А возможно, она меня возненавидит».

Глава 2

– Рифьте[10] парус, ребята! Нам лучше замедлить ход, если только вы, сукины дети, не готовы поклясться на молоке ваших матерей, что у этих франков нет в море подводных скал! – прокричал Улаф, стоя у румпеля.

Шестеро викингов истово взялись за дело: видно, они почувствовали облегчение оттого, что у них наконец-то появилась работа. Двое отвязали фал[11] и приспустили парус: «Змей» сразу пошел медленней. Другие четверо ровно и туго подкатали нижнюю часть полотнища, затем закрепили ее короткими талрепами. Стоявшие у фала сделали несколько размеренных рывков, заставив выцветший красный парус вновь подняться и с громким треском расправиться на ветру. Все это заняло не больше времени, чем нужно человеку, чтобы опорожнить кишки. Улаф невозмутимо наблюдал за своими людьми, нисколько не удивленный их ловкостью. Он был сподвижником ярла Сигурда, его другом и самым надежным капитаном, первым среди его волков, первым, кто посвятил ему свою жизнь и свой меч. На корабле Улафа по-свойски звали Дядей: он был старше и опытнее всех, не считая Асгота, Сигурдова жреца.

Еще до того, как желтые лучи солнца коснулись западной стороны моря, Улаф, Сигурд и Кнут сошлись на корме и до сих пор держали совет. Между тем неуловимое огненное шипение воды уже возвещало конец дня. Пришло время бросить якорь, пока «Змей» не наскочил на подводные камни. Рулевой Кнут направил нос нашего дракона к месту, называвшемуся Байе. Мы должны были развернуться против ветра, на восток, иначе нас могло пронести мимо устья Секваны, и тогда «Змею» пришлось бы медленно и тяжело возвращаться на север, борясь с волной. Это помешало бы нам поймать «Фьорд-Эльк», прежде чем тот войдет в реку.

– Теперь, Ворон, мы должны решить, – сказал Сигурд. – Хотим ли мы распугать здешних духов или же мы идем к ним с миром?

Я понял, что ярл говорит о резной голове змея Йормунганда, которую викинги оставляли на носу судна или убирали сообразно со своими намерениями. Мы могли позволить ей пожирать чужую землю злобным взглядом, но духи этой земли были нам незнакомы: если они могущественны, то скорее разозлятся, чем испугаются.

– По мне, так лучше ее убрать, – сказал я, движением головы указав на деревянное чудище. – Ведь мы еще не знаем этих мест.

Сигурд кивнул.

– Бьорн! Бьярни! Сегодня мы торговцы! – крикнул он.

Братья, ухмыльнувшись, поднялись с дорожных сундуков и, петляя, направились к носу, чтобы снять голову Йормунганда и спрятать ее в трюм. Там, в темноте, под покровом из шкур, чудищу предстояло терпеливо ждать своего часа, не смыкая красных глаз и прожорливых острозубых челюстей.

Я знал, что Сигурд принял бы решение убрать голову и без моего совета. Наш ярл был свирепым воином, но даже он не приблизился бы к неизведанному берегу, словно опьяневший от крови медведь. Он просто испытывал меня, убежденный в том, что предводитель воинов должен быть не только силен, как Тор, но и хитер, как Один. Ему самому равно хватало и силы и хитрости. Именно поэтому его люди пошли бы за ним даже на край океана.

И все же, идя к берегу с миром, мы должны были приготовиться к битве. Поднялась суматоха: люди хлопотали перед высадкой на сушу. Мы помогали друг другу надевать

---

[10] Рифить – уменьшать площадь паруса при помощи рифов (специальных завязок).

[11] Фал – снасть, при помощи которой поднимают и опускают паруса.

доспехи, а это не очень просто, если ты стоишь на палубе плывущего судна. Один викинг держал кольчугу, а его товарищ втискивался в нее. Одевшись при помощи Брама по прозванию Медведь, я, как всегда, с удивлением ощутил повисшую на мне тяжесть. Моя броня прежде принадлежала Глуму – одному из людей Сигурда. Глум, этот жадный кусок козлиного дерьма, предал ярла и был убит.

Я дважды возблагодарил валлийское оружие, лишившее его жизни: он заслужил смерть, а кроме того, его доспехи носил теперь я. Не каждый воин мог похвастаться кольчугой, но в стае Сигурда она была у всех, и это значило, что любой из его волков стоит четырех воинов в кожаном снаряжении, ведь хорошая броня отвращает железо. В те дни я был молод, и мне не терпелось доказать: я достоин носить эти доспехи, цена которым – целый кошелек, набитый монетами.

– Нам следует отыскать тихое место, чтобы стать на мертвый якорь, – сказал Сигурд кормчему.

Кнут продернул длинную жидкую бороду сквозь кулак и, кивнув, сказал:

– Где-нибудь в укрытии, с хорошим обзором.

– Волку нужно логово, – согласился Сигурд, набрасывая на плечи длинный зеленый плащ и скалывая его у горла серебряной застежкой в виде волчьей головы.

Все последовали его примеру, надев накидки, чтобы кольчуги не были видны, – хотя бы издалека. Я тоже расправил коричневую ткань своего плаща, спрятав висевший на бедре меч. Он, как и броня, достался мне от Глума и был сработан на славу. На пятичастной головке рукояти красовались серебряные вставки и скрученная серебряная проволока. На крестовине мастер безукоризненно вывел восемь крошечных молотов Тора, по четыре с одной и с другой стороны. Каждый узор славил искусство кузнеца.

Должно быть, Глум заплатил за такой меч немало серебра или же завладел им в бою, убив вражеского предводителя. А может, просто украл его, хотя в это я не верил: Глум нарушил присягу и предал своего ярла, но все же когда-то он был честным воином. И простым малым. Уловки Сигурда всегда сбивали его с толку. Там, где ярл положился бы на собственный разум, он, Глум, пролил бы кровь человека лишь для того, чтобы принести ее в жертву богам и норнам, которых боялся. Там, где Глум, не думая, нанес бы удар, Сигурд взвесил бы возможные следствия, как обломки серебра на весах, выбирая наиболее ясный для себя путь. И это вовсе не значило, что ярл был слишком осторожен. Он наверняка сразился бы со змеей, опоясывающей Мидгард, если б знал, что скальды увидят и восславят его подвиг, так что и через сто лет уста потомков будут петь ему хвалу.

Облаченный в красивую кольчугу, с огромным мечом, унаследованным от отца, Сигурд напомнил мне Беовульфа – героя, который убил страшного Гренделя. Глядя на ярла, я представлял себе и Тюра, бога ратной славы, и могучего Тора Громовержца, и Одина, бога войны, отца кровопролития. Сигурд был нашей гордостью, о нем шептались у костра, о нем слагали песни и легенды. Боги могли возлюбить ярла и покровительствовать ему как храброму и мудрому воину, а могли и ополчиться против него, позавидовав его силе.

Такие мысли роились в моем мозгу, пока мы плыли к франкийскому берегу, петляя среди скал и маленьких островков в поисках бухты, где можно было бросить якорь. Рот у меня пересох, как сельдь, которую подвесили на ветру, но не я один был взволнован: другие викинги тоже облизывали потрескавшиеся от соли губы, сжимали и разжимали кулаки, заплетали волосы, чтобы чем-то занять руки. В сумерках, окутавших землю, берег, к которому мы подошли, выглядел пустынным: казалось, по нему гуляет лишь ветер, но это не означало, что враги не поджидают нас в высокой траве, не сидят, согнувшись, за валунами и не прячутся на темных болотах. Стоя на высокой скале, дозорные могли увидеть красный парус «Змея» задолго до того, как мы увидим их, и сотни вооруженных людей, возможно, нападут на нас, когда мы пойдем вброд по мелководью.

Обогнув утес, о который, то отступая, то снова накатывая, билась волна, мы вошли в бухту, выточенную в камне многовековыми усилиями воды и воздуха. Приближаясь к берегу, мы заслышали звук, похожий на причитание. Сперва я подумал, что это воет ветер, чей голос усиливают скалы, но заметив, что вопли чуть различаются между собой высотою, я понял: это тюлени! Черные и коричневые пятна, принятые нами за камни, вовсе не были камнями. На каждой поросшей водорослями скале десятками громоздились тела животных, которые стонали и кричали, как жужжат пчелы или мухи.

– Спускайте парус, ребята, – велел Улаф, взмахом руки приказав двоим викингам готовить якорь (он представлял собою камень, закрепленный между двумя деревянными палками и привязанный к длинному канату). – Суши весла! Замедляем ход!

Улаф стал на носу «Змея», высматривая рифы. Хастейн, круглолицый коренастый викинг с красными щеками и светлыми волосами, уже перегнулся через ширстрек, измеряя глубину при помощи линя со свинцовым грузом. Как только свинец касался дна, Хастейн поднимал его и оценивал длину веревки, откладывая на ней отрезки, равные расстоянию между его разведенными руками. Постучав полым грузом по ладони, он вытряс из него горстку мокрого песка и показал ее Улафу и Кнуту. Улаф кивнул.

– Славное песчаное дно! – крикнул он Сигурду. – И прилив уже начался!

Ярл тоже кивнул. Условия были для нас благоприятны. Если б захотели, мы могли бы подвести «Змея» прямо к берегу и поставить его на уровне высокой воды. Решив, что нам повезло и все приметы на нашей стороне, я принялся короткими ударами погружать весло в набухающую приливную волну, однако Сигурд был иного мнения. Он спустился с боевой площадки на корме и, минуя нас всех, прошагал по палубе к Хастейну.

– Какого ты роста?

Хастейн нахмурился:

– Пять с половиной футов, господин.

В действительности, как мне подумалось, он был пониже. Сигурда, судя по улыбке, тронувшей его губы, посетило то же подозрение.

– Тогда кричи, когда воды под нами останется на пять футов. Не то тебе придется надеяться, что мать зачала тебя от рыбы, – сказал ярл Хастейну и, обращаясь ко всем нам, добавил: – Подберите юбки, красавицы. Слыхал я, будто во Франкии море особенно мокрое.

По палубе пробежал легкий ропот недовольства: никому из нас не хотелось портить кольчуги, окуная их в соленую воду. Не говоря уж о том, что, прыгая с борта судна в броне, немудрено было и потонуть.

– Хватит хныкать, пердуны! – рявкнул Улаф, затягивая под подбородком ремешок шлема. – Считайте, что вам повезло, если сам Карл не сидит где-нибудь там со своим войском, которое готовится выпустить в нас тучу огненных стрел или распороть копьями наши языческие животы во имя Белого Христа!

– Предпочел бы сразиться с сотней христиан, чем по-собачьи плюхать к берегу, – проворчал Свейн Рыжий, нахлобучивая шлем.

В этот миг якорь с плеском упал в воду с кормы «Змея». Два носовых каната нужно было привязать к деревьям или камням, чтобы судно неподвижно стояло в бухте, защищенное и от скал, и от неприятелей. Я не мог взять в толк, чем недоволен Свейн: он был таким великаном, что вода, которая заливалась бы нам всем в глотки, ему бы доходила только до груди.

– Бьорн и Бьярни! Вы останетесь на борту с Кнутом и девицей, – распорядился Улаф.

Тем временем мы погружали весла в блестящую воду, осторожно ведя «Змея» носом к берегу, а Хастейн и другой викинг по имени Ирса перескочили через борт с толстыми причальными канатами в руках. Как только они привязали корабль, мы убрали весла и заткнули отверстия, а затем прыгнули в холодное море, держа мечи над головами, чтобы в ножны,

выложенные изнутри шерстью, не попала соленая вода, которая не высохла бы и за сто лет. Я схватился за ширстрек «Змея», ища ногами, куда наступить; ужасно мешал щит, переброшенный мною на спину.

– Я тоже хочу сойти, Ворон, – сказала вдруг Кинетрит, склонившись ко мне. Вися на перекладине и думая о том, как бы не опуститься на дно под тяжестью кольчуги, я попытался скрыть свой страх. Но, вместо того чтобы казаться невозмутимым, мое лицо, должно быть, стало злым. Кинетрит продолжала: – К чему мне оставаться? В голове у меня как будто масло весь день сбивают, и живот уже болит от рвоты. Я хочу отдохнуть от вас, вонючих мужчин. Хочу уединения. Ты можешь это понять?

Болтаясь по грудь в холодной воде, я прилип к ширстреку и боялся его отпустить. Море убивает людей, а франки убивают язычников. Меня накрыло волной, и я, хлебнув соленой воды, стал отчаянно отплевываться.

– К тому же, – добавила Кинетрит, и тень улыбки заиграла в уголках ее губ, – тебе как будто нужна помощь. Остальные уже скоро выйдут на сушу.

– Делай, что хочешь, женщина, – отрезал я и, отпустив руки, плюхнулся в воду.

Задев носками мягкое песчаное дно, я облегченно вздохнул и направился к берегу. Раздался еще один всплеск: Кинетрит вдруг оказалась рядом со мною. С уверенностью водоплавающего зверька она устремилась вперед, меж тем как я все барахтался, глядя на лиловое небо с черной каймой и стискивая челюсти, чтобы не наглотаться прибывающей воды.

– Подожди меня, Кинетрит! – прокричал отец Эгфрит. Как видно, он наконец набрался храбрости и готов был тоже спрыгнуть. – Ради всех святых, девушка, погоди!

Услыхав новый всплеск, я сжал зубы и поспешил к берегу, стараясь не думать ни о море, ни о беловолосых дочерях Ран. Я скорее повстречался бы с этими жадными суками, чем позволил бы христианскому монаху выйти на берег раньше меня.

Отжав промокшие плащи, мы принялись прыгать и расхаживать по берегу. Тюлени, лежавшие поблизости, отползли, переваливаясь, в сторону или соскользнули в море, испугавшись звона наших кольчуг и хлюпанья башмаков. Животные, бывшие чуть поодаль, не обратили на нас никакого внимания, и я подумал, что скоро они об этом пожалеют, ведь мы проголодались. Там, где песок сменялся скалами с неровными поперечными уступами, вода прочертила линию прилива. Здесь, во Франкии, он был сильнее, чем на уэссексском побережье. Полагаю, Кнут тоже это заметил и бросил якорь достаточно далеко, чтобы при отливе «Змей» не сел на мель.

Флоки Черный уже поспешил наверх. Зажав в руке копье, он крупной рысью поднимался по узкой тропе на высокое место, откуда можно было обозреть окрестности и смекнуть, куда мы все-таки пристали. При каждом шаге щит и заплетенные черные волосы викинга подпрыгивали. Эгфрит в мокрой рясе, прилипшей к тщедушному телу, напоминал утонувшую крысу. Кинетрит тоже до нитки вымокла, но ее вид производил совершенно иное впечатление. Я посмотрел на нее и через миг отвернулся, почувствовав укол злобы оттого, что другие мужчины продолжали глядеть. Видно, сама Фрейя, богиня красоты, преисполняет нас вожделением: Кинетрит дрожала от холода, ее волосы липли к белой коже, и все равно она притягивала взоры, точно серебряное ожерелье.

Сигурд собрал на затылке свою промокшую светлую гриву и посмотрел на «Змея», который, мягко кивая, покачивался на якоре в укромной бухте.

– До чего же она прекрасна, Ворон!

Бледный вечерний свет разлился по воде розовыми и оранжевыми полосами. Ничто, кроме прибоя, который, шипя и пенясь, накатывал на берег, не волновало тихой глади моря.

– Она восхитительна, господин, – ответил я, продолжая думать о Кинетрит.

– Быть может, этот червь Эльдред еще подползет сюда до темноты. Однако скорее всего он бросил где-нибудь якорь и ждет рассвета. Потому мы должны оставаться здесь, пока не завидим «Фьорд-Эльк».

– Если удача будет на нашей стороне, Ньёрд приведет его прямо в этот залив, – сказал я, глядя на двух чаек, которые кувыркались в остывающем воздухе.

Говорят, что бог моря любит маленькие солнечные бухты, где гнездятся его священные птицы. Значит, и это место должно было прийтись ему по нраву. Там, где кончался песок, розовели низкие заросли приморских цветов. Яркие головки колыхались на ветру, и в сумеречном свете чудилось, будто колеблется сама земля. Еще выше неподвижно стояли густые облепиховые дебри. Под серебристо-зелеными листьями прятались тысячи ягод, не успевших стать оранжевыми.

– Ты по-прежнему думаешь, что мое имя дано мне не зря? – неожиданно спросил Сигурд.

Я понял, что ярл имеет в виду свое прозвище – Счастливый. Он посмотрел на меня. Его взгляд был спокоен и не выражал желания меня оценить.

– Трюм «Змея» до отказа набит серебром, – сказал я, кивком указывая на корабль. – Руки твоих людей полны всевозможных сокровищ. Свейн радовался, как боров, извалявшийся в дерьме, когда добыл себе новый гребень! – Я улыбнулся. – А Флоки… Когда я услышал тюленьи крики, но еще не увидал самих тюленей, я подумал, это Флоки стонет, оттого что голоден.

Сигурд закусил губу и издал низкое горловое «хм…». Несколько мгновений он глядел мне в глаза, потом едва заметно кивнул. Повернувшись на каблуках и держа ладонь на рукояти меча, ярл зашагал вверх по берегу. Согласно его отрывистому приказу, каждый из викингов должен был найти себе место на скалах и смотреть, не появится ли «Фьорд-Эльк».

Проводив Сигурда взглядом, я глубоко вздохнул, и мои ноздри уловили острый аромат свежих цветов. Затем я повернулся к трем скалам, стоявшим у кромки воды и отполированным волной: из-за них вышла Кинетрит. Она, должно быть, уже пожалела о своем решении покинуть Уэссекс. Среди нас ей едва ли предстояло часто наслаждаться таким уединением. Солнце село, и только оранжевые отсветы на облаках еще догорали на западе. Большой баклан, сушивший черные перья на скале, что торчала из воды, взмыл в небо, и его громкое карканье гулко разнеслось над водой. Я кожей ощутил приближение Кинетрит.

– Ваш ярл что-то невесел, – сказала она, следя взглядом за птицей, которая, вытянув длинную шею и широко взмахивая огромными крыльями, летела навстречу ночи.

– Он боится, что удача утечет сквозь его пальцы. Как песок, – ответил я, дотрагиваясь носком башмака до мокрого спутанного клубка, бывшего скорее всего червяком. Черви извивались повсюду, весь песок был испещрен их норами. – Боится, что боги отвернулись от него и он не сумеет дать своим людям то, чего они хотят пуще серебра, мехов, новых костяных гребней и всего прочего.

– Чего же они хотят, Ворон? – спросила Кинетрит, и я понял, что в действительности она хочет узнать, чего хочу я.

Ее пытливый взгляд встретился с моим, и я вспомнил о своем кровавом глазе, из-за которого многие мужчины ненавидели и боялись меня, а Сигурд меня пощадил, решив, что я отмечен богами, избран самим Одином. Не успев ответить, я почувствовал толчок в спину. Обернувшись, увидел старого Асгота. Он как раз собирался еще раз ткнуть меня древком своего копья.

– Я проглотил это, юноша, проглоти и ты, – произнес жрец своим трескучим от прожитых лет голосом. Я стоял с неподветренной стороны от старика и все равно слышал его отвратный запах. Кинетрит, тоже почувствовав вонь, поднесла к носу руку.

– Что я должен проглотить?

Я всегда опасался этого человека и его странных обрядов, требовавших кровавых жертвоприношений.

– Ты – любимец Одина. Или, самое малое, твоя жизнь вплетена в плащ Всеотца. – Жрец улыбнулся, обнажив коричневые зубы. По моему телу пробежала дрожь. Какие колдовские чары позволили этому старцу прочитать мои мысли? – Сигурд верно думает о тебе, хоть нам от этого и мало проку. – Асгот кивнул, воткнув древко копья в песок. – Ты отмечен богами. Иначе почему ты еще дышишь? Половины воинов, что вышли с Сигурдом, уже нет. В бою ты шел плечом к плечу с теми, кто стоит четырех таких, как ты, – с самыми храбрыми и безжалостными волками, каких отняла от груди наша земля. Но они пали, а ты коптишь небо. – При этих словах Асгот уродливо осклабился, посмотрев на Кинетрит. В ответ она нахмурилось: в присутствии жреца ей было не по себе. – Судьба этого малого надежно запрятана под шляпой Великого Странника, девушка, – сказал старик на норвежском языке, которого Кинетрит не понимала. – Не будь это так, черви уже жрали бы его кишки. – Скривившись, он прибавил: – Правда, Ворон?

– Мне повезло, Асгот, – сказал я, почувствовав, как ладонь сама собой легла на рукоять меча, висевшего у моего бедра.

Христиане презирают нас за то, что, ища удачи, мы прикасаемся к своему оружию. Но почему бы нам этого не делать? Оружие сохраняет нам жизнь. Я видал, как христиане пальцами чертят на груди крест. Может, им это и помогает. Но защитит ли их крестное знамение, когда мы пойдем на них, выстроив стену из своих щитов?

– Повезло, говоришь? – Асгот снова взглянул на Кинетрит. Когда он повернул к ней голову, кости, вплетенные в его волосы, застучали друг о друга. Выцветшие голубые глаза расширились, расправив морщины на старой обожженной ветрами коже. – Если так, то понятно, почему от нашего ярла удача течет, как сопли из носа тролля. Ты, Ворон, украл везенье у Сигурда. Оно перепрыгнуло, – жрец неожиданно перескочил с ноги на ногу, – от него к тебе. Как блоха. Так-то, парень. – Кисло осклабившись и нацелив на Кинетрит костлявый палец, Асгот прибавил на ломаном английском: – Тебе лучше держаться… подальше от него. Смерть следует за ним. Как дурной запах.

– Это от тебя, старик, исходит то зловоние, что отравляет воздух, – ответила Кинетрит и повернулась к жрецу спиной. – Идем со мной, Ворон. Мои ноги рады вновь оказаться на твердой земле, и им не терпится пройтись.

Асгот проводил нас кряканьем, похожим на треск костяшек. Прошагав вдоль моря, я увидал Брама и Свейна: согнувшись и сжимая в руках копья, они ползли к стайке сонных тюленей (животных было не меньше пяти, и у некоторых из них мех был рыжий, как у лисицы). Жертва едва ли могла не заметить таких охотников, однако улыбка, угнездившаяся в бороде Свейна, говорила о том, что они уверены в успехе.

– Давай-ка наберем хворосту для костра, – сказал я Кинетрит, кивая в сторону возвышенности, которая начиналась за прибрежной полосой. – Думаю, на той скале найдется какой-нибудь сушняк.

Само собой, чем выше мы поднимались, тем вероятнее было то, что я увижу «Фьорд-Эльк», если он под покровом сумерек войдет в бухту. И хоть скорее всего Эльдред уже стоял где-то на якоре, как и мы, я шел вперед, а Кинетрит следовала за мной. Я немного успокоился, убедившись, что Асгот как будто бы уже не норовит познакомить мое горло со своим жертвенным ножом, но его слова об удаче, украденной у Сигурда, застыли у меня в груди, точно вода январского дождя в бочонке.

Глава 3

С борта «Змея» на сушу доставили два огромных железных котла, куда мы положили мясо и немного жира от четырех тюленей. Прилив уже накрыл прибрежную полосу, и уцелевшие собратья нашей добычи стоймя спали в воде, так что только головы виднелись на поверхности. Мы с облегчением вздохнули, когда их странное пение стихло. Вдобавок к мясу в котлы пригоршнями отправлялась любая морская мелюзга, которую нам удавалось отыскать: улитки, мидии, береговички. Кроме того, Арнвид принес пучок фенхеля, а Бодвар вытащил из земли три больших корня хрена. Он нарезал их и бросил в варево, после чего рты у нас горели огнем, сколько бы воды мы ни хлебали. Брам сказал, что нас излечит пиво, ежели только мы готовы принять изрядную дозу такого снадобья. Все охотно последовали его совету. Вкусное мясо было доедено с черствым хлебом, который мы взяли в шатрах на уэссексском побережье. На ломти намазывались остатки тюленьего жира, растопленного с горсткой соли.

– Зря мы убили ту рыжую тюлениху, Свейн, – сказал Брам, и дрожащий отсвет костра вспыхнул на его бороде, похожей на птичье гнездо.

– Мне тоже ее жалко, – ответил Свейн, всасывая варево из глубокой ложки. – Она глядела на меня такими глазами…

– Ага. Прямо как у твоей сестрицы, – задиристо произнес Брам, подмигнув Арнвиду, который при этих словах усмехнулся.

Сигурд отправил людей в глубь суши: они должны были искать селения или просто дома, оставаясь никем не замеченными. Меньше всего хотелось, чтобы франкийские воины разбудили нас среди ночи, как предрекал отец Эгфрит (он вбил себе в голову, будто святой дух, чрезвычайно сильный в этих местах, непременно сообщит добрым христианам о вторжении язычников и они придут, размахивая горящими крестами и мечами, обмакнутыми в освященную воду).

– Пускай приходят, монах, – сказал Сигурд. – Поглядим, справятся ли их деревянные кресты с нашими секирами. И мне все равно, во что они окунают свое оружие: в святую воду или в мочу девственниц. Железо так и так заржавеет. Значит, бояться нам нечего.

Викинги рассмеялись, но это не помешало им быть, от греха подальше, настороже. «Фьорд-Эльк» все не показывался. До сих пор не менее чем шестеро из нас одновременно следили за проливом, ведущим к бухте. Сигурд приказал, чтобы даже после наступления темноты три пары дозорных попеременно таращили глаза на море, освещенное луной и звездами, на случай если Эльдред в силу своей дерзости или глупости решится идти вдоль берега ночью. Мы ждали, слушая убаюкивающие вздохи океана.

Я спал рядом с Кинетрит, а значит, и с отцом Эгфритом, который непрестанно сопел и ворочался. Видно, Белый Христос не защищает своих рабов от блох, и кусачим тварям прекрасно жилось в рясе монаха. Я готов был поспорить, что, если б он решился ее снять, она сама, не спросясь у него, поползла бы по земле. Но Кинетрит как будто становилась спокойнее рядом с этим человечком, и за одно лишь это я мог его поблагодарить.

Если Кинетрит не отходила от Эгфрита, то ее соплеменник Пенда не отходил от меня. Он желал смерти своему олдермену так же сильно, как любой из нас (может, даже сильней), и наверняка мечтал собственным мечом взять с него плату за измену: Эльдред, по сути, погубил всех саксов, которые пришли вместе с нами на валлийскую землю. И все же жажда мщения не мешала Пенде настороженно глядеть на нас, его спутников. Как ни свиреп и ни искусен в бою был этот воин, чьи волосы стояли торчком, как иглы ежа, он оставался христианином, и потому ему непросто было уживаться с теми, кто соблюдал обычаи предков. Однако мы с ним вместе дрались и вместе проливали кровь. Мы оба выжили, когда смерть

забрала столь многих наших соратников, и, несмотря на наши различия, связь между нами была прочна, как Глейпнир – волшебные путы из корней гор и птичьей слюны, которыми скован волк Фенрир.

Пенда также посматривал на Кинетрит, хотя взгляды эти казались мне скорее оберегающими, чем воспламененными Фрейей. На одну уэссексскую рыжеволосую красотку он уж точно смотрел по-другому. По мне, она походила на женщину, которая не блюдет себя. Может, даже на потаскуху. Но Пенда поговаривал о том, чтобы жениться на ней. Стало быть, к Кинетрит он благоволил лишь потому, что она происходила из его краев. Или потому, что была единственной девицей среди грубых викингов. Или потому, что он, Пенда, любил ее брата Веохстана. Ни то, ни другое, ни третье ни спасло бы отца Кинетрит в роковой для него час. Ожидание этого часа объединяло нас с Пендой.

Заря занялась поздно: лучи солнца долго не могли пробиться сквозь низкий серый комок облака. С ночи накрапывал дождь, и мы проснулись мокрые и злые. Наше недовольство усиливалось тем, что здешние обитатели, тюлени, вновь заголосили, будто позабыв о наших копьях. Потирая тяжелые красные глаза и зевая, вернулись последние предутренние дозорные. Они подбросили хворосту в костер и закутались в покрывала да промасленные шкуры. Эгфрит протянул мне кружку с дождевой водой. Буркнув «спасибо», я сделал глоток и передал ее Пенде. Место Кинетрит пустовало. Пенда, словно прочитав мои мысли по морщинам на лбу, ухмыльнулся и кивнул в сторону скал, обнаженных отливом. На одной из них лежало платье Кинетрит, а сама она была скрыта от наших глаз. На мгновение я представил себе, как девушка моется в холодных волнах. Это видение было для меня в равной мере мучительно и заманчиво, и я досадливо заерзал, заставляя себя думать о другом.

Пенда кивком указал мне на возвышенность, где розовые цветки армерии и белые звезды мокричника пробивались сквозь грубую траву и колючие заросли синеголовника.

– Сигурд отправился туда еще до того, как забрезжил рассвет.

– Он хочет вернуть свой корабль, – сказал я, предпочтя не упоминать о том, что Сигурд не знает, вернется ли к нему удача (тот, кто предал нас, бежал, и смерть кровожадной тенью преследовала наше братство). – Будь «Фьорд-Эльк» моим, я бы тоже не стал дарить его врагу.

Пенда кивнул. Где-то в сером небе раздалось похожее на лай карканье баклана, опечаленного дождем не меньше нашего.

– Что же Сигурд будет делать, если отобьет корабль? – спросил сакс. – Не маловато ли нас для того, чтоб вести два судна?

Густые волосы Пенды по-прежнему торчали вверх, несмотря на сырость. Накануне нам следовало бы набрать палок, воткнуть их в песок и соорудить шатры из промасленных шкур, но, когда мы устраивались на ночлег, было тепло и сухо. Теперь суетиться уже не стоило. Все промокли до нитки.

– Сигурд решит, что делать, – ответил я, почесывая бороду. По правде сказать, она еще была не слишком густой, и хороший бриз сдул бы ее прочь, однако я гордился ею, хоть она и чесалась, как блошиные укусы под рясой отца Эгфрита. В довершение всего наше терпение испытывали серо-коричневые тучи назойливых мух, которые так любят моросящие летние дожди. – Того, что мы взяли у Эльдреда, должно с лихвой хватить на новый корабль не хуже, чем «Змей» или «Фьорд-Эльк», – продолжил я. – Мы богачи, Пенда.

– Сокровище славно блестит, – покачав головой, сакс указал на ладью, которая мягко колебалась на низкой воде. – Но для меня это все равно как смотреть на чужую жену. – Бьорн и Бьярни шли вброд к берегу, держа над головами щиты и мечи; навстречу плыли два других викинга, которым приказано было их сменить. – Я, парень, сам добуду себе серебро, – проворчал Пенда, дотрагиваясь до копья, лежавшего подле него.

Он вытянул ногу и пнул обратно в костер откатившуюся горящую палку; огонь злобно зашипел. Костры горели повсюду. Викинги, сидевшие вокруг них, медленно просыпались,

пили, приглушенно переговаривались. День выдался скверный, но в воздухе пахло зеленью и свежестью.

– Сигурду известно, на что ты способен, – сказал я, вспоминая расправу, которую Пенда учинил над неприятелем на моих глазах.

Этот сакс был незаменим на поле брани, и наш ярл не зря принял его в свою волчью стаю. Наверняка зная себе цену, Пенда, как и остальные воины, неустанно стремился отличиться в бою. Пожав плечами, он ответил:

– Когда Эльдред, вероломный ублюдок, нам попадется, ваш ярл Сигурд увидит, кто я таков. Мой меч расскажет все за меня. Он запоет, Ворон, как заправский бард. – Пенда осклабился, выхватив из воздуха незримую добычу. – И тогда я возьму то, что мне причитается.

Мы провели день, сетуя на погоду, играя в тафл, снова приводя в порядок свое снаряжение (в дождливую пору этому занятию не могло быть конца) и просто скучая. Отправляясь на разведку маленькими отрядами, мы все же старались держаться у берега – из боязни, что повстречаемся с франками или не сумеем вовремя отчалить и броситься в погоню, если в проливе покажется «Фьорд-Эльк». Но «Фьорд-Эльк» не показывался. Вечером мы снова поужинали мясом тюленей: эти существа оказались слишком глупы, чтобы убраться от нас подальше. С неба по-прежнему сыпались плевки, и на этот раз у костров не было слышно веселых шуток.

Сигурд погрузился в мрачные раздумья. Ярл держался обособленно, и только Улаф отваживался с ним заговаривать. Но даже он, капитан, был молчалив и думал о чем-то своем. Вероятно, о сыне – светловолосом Эрике, который погиб, изрешеченный стрелами, у стен замка Эльдреда. Других наследников Улаф не имел, и его роду суждено было прерваться. Теперь старик мог вернуться к матери умершего юноши, а мог взять иной курс и довериться ветру, который вобьет его имя в песню, чтобы песня эта жила в веках, сохраняя память о том, кто не оставил после себя потомства. Видя, как Улаф, ничего не страшась, сражается на английском берегу, я понял, что сердце старого воина разбито.

Вновь назначили дозорных, и я оказался в их числе. Я рад был взобраться на мокрый холм со щитом на спине, мечом у бедра и копьем в руке, цепляясь за высокие стебли лебеды. Пенда пошел со мною, однако я подумал, что ему, как и мне, не хочется оставлять Кинетрит.

– Монах приглядит за нею, – сказал я, прервав молчание.

Нам оставалось пройти около сотни шагов до козьей тропы, которая круто взвивалась вверх, а затем уходила вправо, к северному краю залива. Она вела на известняковый мыс, служивший нам дозорной башней. Оск, караульный, которого мы сменили, уверял, будто видел оттуда уэссексское побережье, хотя его товарищи сказали, что это было лишь облако, низко висевшее на горизонте.

– Старый козел Асгот сидит у меня в печенках, – наконец ответил Пенда, откашлявшись и сплюнув. – Я видел, как он лапает глазами нашу Кинетрит, и мне это так же нравится, как подтирать зад крапивой.

– Подотрись лучше самим Асготом, – сказал я. Заметив под ногами гнезда крачек, маленькие углубления в мягкой земле, я осторожно их обошел. Птицы пригнули головы в черных шапочках, пристально глядя на меня немигающими желтыми бусинами. – Старик совсем одурел от крови, – прибавил я, восхищаясь храбростью пернатых созданий (никто из них не улетел в темнеющее небо). – Может, он уже лет тридцать, а то и больше, не видал женщины, подобной Кинетрит. Вот и всё.

Пенда хрипло усмехнулся.

– Тут яйца, – сказал он, подходя к гнездам, которые я оставил позади. – Добавим их в завтрашний котел. Варево Арнвида от этого хуже не будет.

– У крачек клювы острые, как стрелы, Пенда, – ответил я. – Пускай себе высиживают свои яйца. Что до Асгота, мы увидим, если он затеет недоброе. К тому же я готов побиться об заклад: Кинетрит способна сама о себе позаботиться.

По правде говоря, мне было мерзко оттого, что я проморгал опасность, которую заметил сакс. От Асгота можно было ждать беды – в этом я не сомневался. Вместе с Глумом и родичами Глума он убил Эльстана, моего друга и приемного отца. Они повесили старика на дубе, обмотав ствол багровой веревкой его внутренностей. Один из тех, кто принес несчастного в жертву, погиб от моей руки, но это был не Асгот. Пыльные потроха жреца все еще благополучно скрипели, а нож его был остер, как и раньше.

– Будем за ним присматривать, Ворон, – сказал Пенда. – Пускай старая свинья только попробует выкинуть какую-нибудь пакость.

Мы выбрались на белые скалы уже в сумерках. Дождь все не прекращался, и я уже промок до мозга костей. Опершись о копья, мы посмотрели на восток, туда, где простиралась Франкия. До самого горизонта тянулись холмы, поросшие травой. Кое-где на этом зеленом полотне темнели дубовые и буковые рощицы, но человеческого жилья я нигде не видел, хоть некоторые дозорные и говорили, будто заметили в небе дымок одиноких крестьянских подворий, разбросанных на юге, вдалеке от моря. Из бухты, где мы бросили якорь, наверняка можно было за день доплыть до устья мощной Секваны. Она змеей подползала к Парижу – единственному франкийскому городу, о котором я слыхал. Улаф говорил, что на берегах реки есть и другие поселения, может быть, даже небольшие города, и я ему верил: Секвана и впрямь оказалась огромной и, конечно, могла прокормить тысячи людей.

Мы знали: рано или поздно Эльдред пройдет мимо нашей бухты, ведь он не слабоумный и будет держаться поближе к суше, чтобы уйти от волн открытого моря и использовать для своей пользы береговые ветры, хоть в такую унылую погоду они дули не сильнее, чем чья-нибудь задница. Только вот когда «Фьорд-Эльк» наконец покажется, не знал никто. Оставалось лишь ждать.

Пенда развернул две промасленные шкуры и размотал тонкую веревку, обвязанную вокруг его пояса. Расстелив одну из кож за побитой бурями скалой, мы употребили копья как опоры, а куски бечевки – как расчалки и устроили себе довольно-таки сносное убежище. Сидя под шкурой, мы слышали, как дождь неумолчно барабанит по ней, напоминая нам о том, что впереди не самая приятная ночь. Чтобы враг нас не заметил, Сигурд запретил дозорным жечь костры: завидев огонь или дым, любопытствующие франки могли явиться в наш лагерь, а этого ярл не хотел. Не хотел он и отпугивать Эльдреда. Правда, все викинги согласились друг с другом в том, что из осторожности олдермен скорее всего введет «Фьорд-Эльк» в устье реки прямо из открытого моря, защищая днище корабля от скал, а богатства, таящиеся в его трюмах, – от алчности разбойников. Однако никакая осторожность не спасет от нас Эльдреда и его приспешника Маугера. Смерть, уготованная судьбой, уже поджидала их на франкийском берегу.

Я достал из-за пазухи ломоть засохшего хлеба и выставил руку под дождь, чтобы вода превратила сухарь в непривлекательное месиво, о которое я хотя бы не сломаю зубы. Пенда раздвинул ягодицы и выпустил столько воздуха, что его хватило бы, чтобы на целый день наполнить парус «Змея». После этого сакс покачал головой и усмехнулся.

– Никогда не позабуду, какое у тебя, старина, было лицо, когда валлийцы облепили нас, словно мухи коровью лепешку. Твой кровавый глаз горел, как у самого дьявола, а зубы… – При этих словах он оскалился, точно злой пес. – Казалось, ты вот-вот разгромишь преисподнюю. Думается мне, что и моя голова полетела бы с плеч, подойди я к тебе слишком близко.

– Я освобожу тебя от нее сейчас, если еще раз так пернешь, – сказал я, морщась от гадкого запаха.

Довольная усмешка искривила синеватый шрам, прочерченный кем-то по левой щеке Пенды.

– Должно быть, валлийцы подумали, будто их посетил черт из страшных снов, что видят по ночам их дети, – сказал он. – Несчастные ублюдки!

– Насколько мне помнится, это они побили нас, Пенда, – сказал я. – Мы должны благодарить судьбу за то, что чудом выжили и мокнем теперь под этим мерзким дождем.

Пенда остановил на мне взгляд, и глаза его потускнели, как стоячая вода, заросшая ледяною коркой. В том бою сакс потерял многих соплеменников и друзей. Через мгновение он отмер и, кивнув, сказал:

– Как знать? Может, когда-нибудь мы сделаем из тебя славного воина. Прибавим умение к твоему буйному нраву. А пока ты ведь все еще злишься, если кто-то пытается тебя убить, верно, парень? – Пенда улыбнулся. – На твое счастье, у тебя есть это.

Он махнул рукой в сторону камня, до половины скрытого травой.

– Что?

– Невидимый щит, дурья башка! Вот бы и мне заполучить такой!

Я покачал головой:

– Они нынче очень редки, и добыть их не так-то просто. Я скажу тебе, если найду хоть еще один.

– Спасибо, дружище.

Шутка получилась не из веселых: не только Пенда видел причуду судьбы в том, что я до сих пор жив, меж тем как многие воины, закаленные в бою, погибли. Неужто меня в самом деле оберегает какой-то волшебный щит? Уж не Одину ли он принадлежал?

Глотая мокрый хлеб, я вернулся мысленно в тот кровавый день, на тот склон, где мы тогда стояли. Сперва луг стал скользким от крови, а затем его усеяли кости бледных мертвецов. Сказать по правде, Пенда спас мне жизнь, подняв меня на ноги, когда они подкосились. Я был ему обязан. Ему, а также Сигурду и всем его викингам. Они убивали за меня врагов, стояли за меня, как стоят за братьев по оружию. И вдобавок к этому они приняли меня в свою стаю. Я был молод, самонадеян, да к тому же ослеплен порывом юношеской страсти, и все-таки иногда, в пору молчаливых раздумий, благодарил судьбу за то, что мне дано: за скамью у весла, за меч, за место среди тех, чьи деяния будут воспеты в сагах. При мысли обо всем этом у меня мутилось в мозгу. Я тряс головой и раздувал щеки, моя грудь наполнялась теплым чувством гордости, а сердце стучало, как боевой топор о щит. Я мечтал так или иначе отплатить тем, у кого был в долгу, и в эту пакостную дождливую ночь упорно глядел на северо-запад, в даль бухты и пролива, туда, где догорали последние отсветы заката. Меня не оставляла надежда на то, что именно я замечу «Фьорд-Эльк» и принесу известие Сигурду.

* * *

Луна успела выкатиться на небосвод и снова исчезнуть, прежде чем Свейн Рыжий и Брам по прозвищу Медведь пришли нас сменить. С хрустом взойдя на ближайший к нам уступ скалы, они, будто две черные тени, заслонили собой восходящее солнце, красное, как пламя, изрыгаемое драконом. Дождь наконец-то прекратился, и в чистом утреннем воздухе я уловил исходивший от викингов запах хмельного меда.

– Ну, и каково вам было тут вдвоем? Не померли со страху? – проговорил Брам, подмигнув Свейну. Одна его рука сжимала копье, другая держала раздутый мех с медовухой.

– Этим двоим не страшны никакие привидения: любое из них само перепугается, увидав зубья на голове англичанина и кровавый глаз Ворона, – ответил Свейн, упирая древко копья в землю рядом с зарослями розовых цветов, шуршавших на ветру.

Внезапно воздух словно бы разрезало скрипучим криком. Брам быстро пригнул голову и развернулся, подняв копье. В этот миг мы увидели в небе сапсана, который стрелой кинулся вниз, в высокую траву.

– Не бойся, Брам, – сказал я под взрыв общего смеха. – Твой друг тебя спасет. Ты ведь не допустишь, чтобы эта злая старая птица склевала бороду Брама? Правда, Свейн?

Свейн ухмыльнулся:

– Пускай себе клюет! Эту его бороду давно пора проредить, а то у него рожа волосатее, чем яйца Тора.

Брам невнятно прорычал, чтобы мы убирались обратно на берег. При этом, я уверен, щеки его пылали под кустистой темно-русой бородой. Мы, встав, принялись встряхивать руками и ногами, которые одеревенели, как треска, высушенная на ветру. Пенда зевнул, причмокнул губами и, подмигнув мне, кивнул на бурдюк с медом. Поняв его намек, я сказал по-норвежски:

– У того, кто не смыкал глаз всю ночь, может пересохнуть в горле. По-моему, мы заслужили глоток-другой.

Брам с видимым неудовольствием протянул мне мех.

– И чего ради я должен с тобою делиться? – проворчал он. – Мой старик-отец шкуру бы с меня спустил, если б я вздумал так разговаривать со старшими.

– Зря он этого не сделал, – сказал я, делая шаг назад и передавая бурдюк Пенде. – Такая шкура его озолотила бы.

При этих словах Брам двинулся ко мне, но я успел отскочить туда, где он не мог до меня дотянуться. Ему осталось лишь проклинать Свейна, который прыснул со смеху.

– Я с тобой еще разберусь, щенок! – проревел Брам, швыряя мне вслед камень.

Мы зашагали по сбегающему вниз травянистому уступу, минуя гнезда крачек и буревестников. Пройдя через поле розовых приморских цветов, мы услышали, что тюлени снова подняли вой и кричат как-то слишком громко для спокойного летнего утра. Едва до меня долетел запах лука, топленого жира и терпкого дыма костра, мой рот увлажнился слюной, а живот подвело от голода. Мысль о еде оттеснила жгучее желание увидеть в проливе «Фьорд-Эльк». Подойдя ближе, мы услыхали шкварчание варева и туманный гул негромких голосов. Обыкновенно мы не мешали повару делать свое дело и, лишь когда он созывал нас обедать, кидались на него, как волки. Сейчас вокруг котла собралась такая стая, что только по дыму можно было понять, где же именно он стоит.

Улаф, почесывая зад, повернулся к нам.

– Это козлиное дерьмо так и не показалось?

Я покачал головой:

– Нет, Дядя, им даже не пахнет.

Неужели Сигурд ошибся, решив, что Эльдред пойдет вдоль берега? Может, олдермен пересек море напрямую, как мы, и уже пьет вино с императором франков? Ярл в одиночестве сидел на скале, водя точильным камнем по длинному мечу.

– Он появится, Дядя, – сказал Сигурд, не поднимая глаз от работы.

Пожав плечами, Улаф снова повернулся к котлу, и в этот миг я понял, почему все викинги собрались вокруг костра. Над огнем, помешивая варево гладкой палочкой, стояла Кинетрит. Край подола синего платья, ниспадавшего до босых ступней, был облеплен песком. Волосы цвета спелого ячменя, заплетенные в две длинные косы, блестели в свете восходящего солнца, а творожная белизна кожи подчеркивала живость умных глаз. Единственная женщина среди множества воинов, загрубевших в странствиях, она была невероятно красива. От одного взгляда на нее у меня сводило кишки.

– Ты уже сказал ей? – спросил Пенда.

Я резко остановился и, схватив англичанина за плечи, развернул к себе. Мы еще не успели приблизиться к остальным настолько, чтобы нас слышали. Кровь бросилась мне в лицо.

– Сказал что? – проговорил я, безуспешно притворяясь ничего не понимающим. Пенда опустил подбородок, приподняв брови. Я вздохнул. – Нет, не сказал. И ты не скажешь, Пенда, если не хочешь, чтобы мой башмак познакомился с твоим задом.

С усмешкой покачав головой, сакс почесал свой длинный шрам и провел рукой по густым волосам, ероша острые пики.

– Странный ты парень, Ворон. В толпу валлийцев можешь броситься только так, а при виде тощей девицы у тебя дрожат коленки.

– Закрой хлебало, Пенда, – проговорил я не то угрожающе, не то умоляюще, прекрасно осознавая, какой жалкий у меня при этом вид. Не в силах что-то исправить, я лишь пробормотал в довершение собственного позора: – Прошу тебя.

Пенда взглянул на Кинетрит, потом снова на меня, как будто стоя на перепутье и решая, куда идти.

– Я буду хранить твою тайну, дружище, – сказал он наконец, – покуда ты будешь исправно смачивать мой язык медовухой Брама. Хитрый сукин сын держит свои запасы при себе, и, ежели судить по тому глоточку, запасы недурные. Мой отец говорил, что после хорошей выпивки мужчина способен на все. Однажды он целых три мили шел до дома на бровях, после того как отведал вкусного меда. Ну, а сохранить твою маленькую тайну и вовсе не составит труда.

Я протянул руку, и мы ухватили друг друга за запястья.

– Будет тебе мед, – сказал я.

Брам напивался не реже, чем бывал трезв, и украсть у него немного медовухи казалось делом нехитрым. Даже раскровавленный нос или синяк под глазом не были бы слишком большой платой за молчание Пенды.

– Продолжай помешивать его и сними с огня, как только начнет бурлить, – торжественно произнесла Кинетрит, передавая палочку Арнвиду. Улаф перевел ее слова на норвежский. Лицо у повара было такое, будто он девять дней и ночей голодал, пронзенный копьем, вися на мировом древе, и вот теперь постиг тайну священных рун. – Если дашь закипеть, испортишь вкус, – прибавила Кинетрит и, понюхав варево напоследок, отвернулась от костра.

Арнвид деловито кивнул. Все с надеждой устремили голодные взоры на повара, а Кинетрит посмотрела на меня и улыбнулась, отчего у меня в животе будто сапсан расправил крылья.

– Ты весь грязный, Ворон, – проговорила она, оглядывая меня. Мой язык прилип к небу, потому я только кивнул и глупо улыбнулся. – Пожалуй, это можно поправить; ведь если ты заметил, вон там есть капелька воды, – Кинетрит кивнула в сторону океана, который был гладок, как лист чеканного золота: лишь у самого края воды пенились ленивые волны. – Надеюсь, этого хватит, чтобы тебя отмыть. – Она коснулась пальцем моей щеки. – Похоже, грязь на тебе старше, чем Улаф.

Кинетрит взяла меня под руку и повела к морю, не обращая внимания на викингов, которые принялись перемигиваться и подталкивать друг друга.

– Ты все еще носишь эти перья, – сказала она, когда я стягивал башмаки. – Я не ждала, что ты будешь таскать их вечно. Это же была просто шутка.

Я, словно оправдываясь, пожал плечами:

– Они мне нравятся.

Тень улыбки коснулась губ и щек Кинетрит. Я шагнул в море.

– Раздевайся, если все это к тебе не приросло, – сказала она, кивком указывая на мои штаны и рубаху. – А то перепачкаешь океан так, что в него никто уже не сможет войти.

Сняв рубашку, я бросил ее рядом с башмаками и улыбнулся. Кинетрит ответила мне каменным взглядом, каким матери награждают своих сорванцов, прежде чем предоставить ореховому пруту высказать остальное.

– Все снимать? – спросил я.

– А что, когда море холодное, викинги купаются в одежде?

– Викинги вообще не купаются, – сказал я, хотя это не было правдой.

Мы умывали лица и расчесывали волосы по утрам. Если удавалось, мыли руки перед едой. И купались, но тогда, когда английские девушки не стояли тут же и не взвешивали нас взглядом, как товар на весах. Кинетрит закатила глаза.

– Не надо меня торопить, женщина, – пробормотал я, отстегивая булавку. Под взором прекрасной англичанки мои пальцы стали неловкими и слушались меня так плохо, словно принадлежали не мне. – Отвернись, – сказал я.

– Отвернусь, если отвернешься и ты, – ответила она, лукаво приподняв одну бровь, и мое сердце вдруг забилось в груди, как рыба в ивовом садке.

Потому что Кинетрит начала раздеваться.

Глава 4

Делая вид, что не слышу свистков и улюлюканья, я как попало бросил одежду и кольчугу на песок и в чем мать родила пошел к воде. Я знал, что свистят не мне: Кинетрит тоже была раздета – почти совсем. Соприкоснувшись с водой, нижняя сорочка стала прозрачной, и сквозь нее проступил темный треугольничек волос внизу живота. На груди просвечивали заостренные соски. Позволив себе на несколько мгновений задержать на них взгляд, я нырнул и вскоре вынырнул, сморкаясь и по-собачьи тряся волосами.

– Вода холоднее, чем кажется, – сказал я.

Кинетрит плавала легко. Время от времени она переворачивалась и лежала на спине, как, играя, делают тюлени.

– Отец рассказывал, что римляне выкладывали камнем огромные ямы и наполняли их водой, которая всегда была теплой.

– Как же им удавалось делать так, чтобы она не остывала? – недоверчиво спросил я.

– Внизу они устраивали каменные клети, где разводили огонь. Тепло поднималось и нагревало воду.

– Тогда ясно, почему их империя распалась, а Рим сгорел дотла.

Я представил себе теплый край, где мужчины лениво лежат в больших каменных котлах. И пока они трут друг другу спины, воины с дикими очами грабят и жгут их дома.

– Дураки, – пробормотал я, зачерпывая горсть песку, чтобы потереть себе под мышками. – От теплой воды мужчина раскисает.

При этих словах я вздрогнул от холода и снова нырнул, а когда вынырнул и стал оглядываться, ища Кинетрит, то увидел лишь ее ступни: они поднимали брызги и оставляли после себя дорожку на воде. Я позвал девушку, но шум волны, плеск от собственных движений и тюленьи крики помешали ей меня услышать. Я поплыл следом, лягаясь и словно норовя уцепиться за воду руками.

Когда Кинетрит остановилась, я был изнурен. Прежде мне и в голову не приходило, что от плавания сила вытекает из мужчины, как кровь из перерезанной жилы. Потеряв уважение к римлянам, я зауважал рыб. Мы уплыли не очень далеко, но оставили позади «Змея» (Бьорн и Бьярни, снова поднявшиеся на борт, проводили нас гиканьем) и обогнули небольшой каменистый мыс, о который плескались волны. За камнями мы увидели укромную бухточку, где можно было перевести дух.

– Тебе… пора… отдохнуть, – с трудом проговорил я.

К моему облегчению, Кинетрит уже направилась к бухте.

Когда я выбрался на берег (полоса песка была так коротка, что от одного ее края до другого легко долетело бы копье), Кинетрит сидела, обхватив колени и встряхивая волосами. Я сел на мелководье, лицом к восходящему солнцу, и притворился довольным, хотя, по правде, просто не хотел вставать. Внезапно песок у меня под рукой зашевелился. Отшатнувшись, я увидел камбалу, которая стремительно бросилась прочь, подняв вихрь песчинок. Белые чайки кричали и кувыркались в бледно-голубом небе, напоминая нам о том, что в этой бухте мы незваные гости.

– Такое купание отмыло, наверное, даже тебя, – крикнула Кинетрит.

– Ты права, – отозвался я, глянув через плечо. – Эту грязь я долго на себе носил, и она стала упрямой, как Брам Медведь.

Я снова принялся себя скрести и вдруг вздрогнул от прикосновения женских пальцев к моим плечам. Подняв голову и посмотрев Кинетрит в глаза, я с усилием сглотнул. Потом взял протянутую мне руку и встал. Несколько мгновений мы оба молчали, слушая крики чаек и плеск волн, кусавших берег. Затем Кинетрит повела меня к травянистой прогалине, порос-

шей астрами. На упругих листьях и цветах сидели бесчисленные черно-оранжевые бабочки. При нашем приближении они всполошились, словно подхваченные ветром лепестки. В первом свете дня глаза Кинетрит были зелены, как изумруд, и казались бесконечными, будто не знали никаких границ. Ее взор скользил по мне, как корабль-дракон по дороге китов. Ее пальцы коснулись моей щеки, затем бороды, и я задрожал так, будто мы никогда раньше не притрагивались друг к другу. Когда мы опустили веки, чтобы зрение уступило место осязанию, моя душа поплыла, точно лодка, снявшаяся с якоря. Кинетрит обхватила мою голову, я наклонился, и наши губы сомкнулись. По спине у меня пробежали мурашки, когда я понял, что мое возбуждение стало очевидным и теперь его уже не скрыть. Она приоткрыла уста, мы соприкоснулись языками, и, едва я ощутил ее вкус, кто-то, сидящий в глубине моих помыслов, разразился бранью: эта женщина привязала меня к себе прочнее Глейпнира.

Вдруг поняв, что глупо стоять, когда мой уд нацелен на живот Кинетрит, я толкнул ее вниз, на песок. Она, не противясь, сняла с себя сорочку, обнажив маленькие груди с темными сосками, твердыми, как желуди. Едва Кинетрит откинулась на спину, я легко вошел в ее влажное лоно. Она глотнула воздух, жадно подавшись бедрами мне навстречу. Мною правил голод. Кинетрит не издала ни звука: лишь дыхание, обжигавшее мне шею, вырывалось из ее уст. Я толкнулся глубже, наши языки переплелись. Я знал, что потом придет стыд, но сейчас мне не было до него дела – каждая моя жилка хотела слиться с Кинетрит. Издав возглас блаженства, сплавленного с болью, я рванулся вперед. Мое тело безудержно задрожало. Она, тоже вскрикнув, запрокинула голову, и я укусил ее белую шею.

После я перекатился на песок, а Кинетрит, лежа на боку, водила рукой по моей груди, на которой пот смешался с солью. Я смотрел в небо и, как слабоумный, улыбался: теперь я снова замечал и чаек, и пчел, и тюленей в соседней бухте. Казалось, Кинетрит приятно было лежать со мною, купаясь в утренних лучах, но вдруг я увидал слезу, быстро скатившуюся по ее лицу.

– Что с тобой? – спросил я, внезапно испугавшись. Я совершил ошибку? Разве лоно возлюбленной не приняло меня? Мой желудок сжался, когда я вспомнил развалины замка Диффрин и лицо юной валлийки. – Что не так, Кинетрит? Чем я тебя обидел?

Горячая кровь прилила к моим щекам. Кинетрит подобрала сорочку и, встав, ее надела. Я тоже поднялся. Я был еще как дикий зверь, но уже застыдился оттого, что оставил в соседней бухте одежду, которой следовало бы прикрыть срам. Взяв Кинетрит за плечи, я снова спросил, чем она огорчена. Она закусила нижнюю губу, подняла на меня взор и вот-вот заговорила бы, но вдруг глаза ее расширились при виде чего-то, возникшего у меня за спиной.

– Что…

Я посмотрел на море, и в груди грянул гром, словно два щита ударились друг о друга. Показался «Фьорд-Эльк».

Глава 5

Несколько мгновений мы молча слушали удары наших сердец. Корабль-дракон скользил по гладкому морю так близко от берега, что до него долетела бы стрела. Однако теперь его едва ли можно было назвать драконом: вместо оскаленной деревянной головы на носу водрузили крест – знак того, что на борту рабы Белого Христа. Изящное тело судна легко резало пенящийся океан. Длинные еловые весла погружались в воду не так ловко и плавно, как если бы ими управляли викинги, и все же искусства гребцов вполне хватало для того, чтобы вести корабль по спящему морю. Я крепко сжал кулаки и стиснул зубы, приходя в ярость от подступивших воспоминаний. Когда я видел «Фьорд-Эльк» в последний раз, люди Эльдреда связали меня, как борова, и перед отплытием Маугер, приближенный олдермена, велел им перерезать мне горло. Эти жалкие слабаки заодно со мною убили бы и Кинетрит.

«Meinfretr!» – тихо выругался я по-норвежски. Скалистая коса, отделявшая нас от товарищей, могла помешать им увидеть «Фьорд-Эльк» и вовремя выскочить из засады. К тому же я боялся, что они не узнают корабль при спущенном парусе и без дракона на носу. Эти мысли привели меня в отчаяние. Плавал я чуть получше, чем камень, и не смог бы быстро вернуться к своим по воде. Но и бежать по скалам без башмаков совсем непросто.

– Ты можешь вплавь добраться до нашей бухты, Кинетрит? – спросил я.

Она кивнула, закрыв и открыв глаза. Ее трясло, как от холода, на губе замерла оброненная слеза. Я проклял случай за то, что «Фьорд-Эльк» показался именно сейчас, когда все, чего я хотел, стояло передо мною. Бросив еще один долгий взгляд на лицо Кинетрит, я повернулся, подбежал к скалам и стал карабкаться. Камни, уходившие под воду во время прилива, были устланы скользкими почерневшими листьями, и я не раз падал, разбивая колени и ладони. Я прыгал или продирался через скопища кусачих рачков и ломких мидий, перебегал разогретые солнцем лужи, где прятались существа, напоминавшие сгустки крови. Голый, с растрепанными темными волосами, к которым привязано вороново крыло, я, надо полагать, был похож на дикого зверя. Несясь вперед, я чувствовал, как по моему лицу расплывается усмешка, перерастающая в оскал, волчий оскал: червяк Эльдред приполз, сейчас прольется кровь. Перепрыгнув последнюю расселину, я приземлился на гладкий камень, а с него соскочил на песок.

Викинги уже собрались в огромную бурлящую толпу. Полностью снаряженные, в кольчугах и со щитами, они стояли перед Сигурдом. Шлем ярла сверкал, а рука сжимала огромное копье. Он походил на всемогущего Тюра. Увидав меня, многие воины засмеялись над моей наготой, но Сигурд лишь прорычал, вздернув верхнюю губу и блеснув белыми зубами:

– Ты похож на горного тролля, Ворон.

– Господин, я воротился так быстро, как только смог, – отозвался я, тяжело дыша и морщась от боли.

Кожа на ногах горела. Я опустил взгляд: они были изодраны в кровь. Халльдор, двоюродный брат Флоки, подмигнул мне, и я, оглянувшись, увидел на высокой скале узкий выступ. Вероятно, именно оттуда Халльдору удалось вовремя заприметить «Фьорд-Эльк». Я скривился при мысли о том, что с этой скалы дозорный мог превосходно обозревать бухточку, где укрылись мы с Кинетрит.

– Сейчас этот змеиный язык за все поплатится! – крикнул Сигурд, и мне подумалось, что, назвав так Эльдреда, он оскорбил ползучих гадов.

Людской узел рассыпался. Я побежал к наступавшей воде, которая могла вот-вот украсть брошенную мною одежду. Добраться до «Змея» вброд было уже нельзя. Плыть мы тоже не могли: наши доспехи увлекли бы нас на дно. И все же викинги, обходя меня, бежали вперед и врезались в волны.

– Держи, парень, – сказал Пенда, протягивая мне щит и шлем, которые я оставил чуть выше. – Готов поспорить, что ты не хочешь такое пропустить!

– Этот спор тебя не озолотит, – ответил я и запрыгал, натягивая штаны.

Сакс поднял мою кольчугу, и я нырнул в нее, как угорь. Тем временем Сигурд перебросил конец более короткой веревки через один из причальных канатов «Змея» и дернул его вниз, чтобы люди могли держаться, не боясь утонуть. Воины, жаждущие крови, устремились к кораблю. Бьорн и Бьярни, стоя на носу, подгоняли их хриплыми воплями. Отец Эгфрит то возносил молитвы Белому Христу, то призывал ярла усмирить жажду мщения и уладить дело миром.

– Ради Господа нашего, добудь книгу, Сигурд! Ты должен ее добыть! – пронзительно крикнул монах, вытаращив глаза.

Его кунья мордочка странно исказилась от страха. Или же от воодушевления.

– Поторапливайся, Ворон! – бросил мне Свейн Рыжий, на миг задержавшись у кромки моря. При этих словах из глубин его огромной огненной бороды возникла свирепая ухмылка. Потом он повернулся и, тяжело ступая, с плеском вошел в воду.

– Ну и как? – спросил Пенда, заглядывая мне в глаза и почесывая свой шрам. Сакс стоял передо мной в полном боевом снаряжении, и я не мог поверить, что в такую пору он задает мне такой вопрос. – Взял ее?

Я взглянул на волны: Кинетрит еще не показалась из-за скалистого мыса. Все воины, кроме нас с Пендой, уже покинули берег. Даже старый Асгот успел преодолеть половину расстояния, передвигаясь вдоль причального каната не менее проворно, чем любой из молодых мужчин.

– Нам пора, – сказал я.

Махнув мне рукой, Пенда бросился в море, я последовал за ним. Пока я приближался к «Змею», то шагая по дну, то подтягивая себя руками, волки Сигурда готовились к отплытию: водружали на нос змеиную голову, вешали щиты на ширстрек, просовывали в отверстия еловые весла.

– Любовные утехи и битва в один день! – крикнул Бьярни, втаскивая меня на борт при помощи короткой веревки. – Чем не Вальхалла, Ворон?

– Не хватило только завтрака! – буркнул я, позабавив викинга таким ответом, и поспешил усесться к веслу (скамьей мне служил сундук, где я хранил все свое добро).

Кинетрит по-прежнему не было видно, когда Улаф отрывисто прокричал: «Хей!» – и мы начали грести.

Все знали: врага важно застать врасплох, а для этого требуется тишина. Наши взгляды были прикованы к Улафу, стоявшему на корме. Взмахи его кулака заменяли нам счет. Кнут поворачивал румпель, ведя корабль вдоль берега так, чтобы мы показались из бухты лишь в последний миг перед нападением и поразили жертву, как ястребы.

Гребля – приятное занятие. Утомившись, мы, понятно, стонем, но первый час или пару часов, когда ты еще полон сил, мерные взмахи веслом доставляют радость. Во всяком случае, мне. На глаз, два весла могут быть как две капли воды, однако на деле каждое весло особенное. Свое ты знаешь не хуже, чем собственные руки и ноги. Твоя загрубелая ладонь из сотен весел узнает его на ощупь, как зад и груди любимой женщины. Привычное всегда внушает человеку спокойствие и бодрость.

Сигурд и Флоки Черный приготовили крюки для захвата, закрепили на носу голову Йормунганда и собрали десятка три копий, захваченных нами у врагов в последние несколько недель. Хотя прежде мне не доводилось участвовать в морском сражении, я знал, каким оно будет. Мы станем метать во «Фьорд-Эльк» копья и топоры, чтобы очистить его палубу, затем бросим крючья и, как только железо вонзится в ширстрек, потянем за веревки, чтобы два судна сошлись бортами и образовали единую плавучую площадку для боя. Веро-

ятно, какой-нибудь осторожный ярл продолжал бы швырять в противника ядра, копья и даже камни, пока дело не сладится, но Сигурд был не таков. Чувствуя, как боевая дрожь рождается у меня в ногах и ползет выше, я смотрел на его лицо: оно казалось твердым, как камень, а в глазах, что смотрели из-под шлема, сгущались черные грозовые тучи. Левая его ладонь покоилась на рукояти меча, правая – сжимала два больших копья. Похоже, сам Один Копьеметатель сошел на землю из Асгарда и вселился в тело нашего ярла, дабы утопить мир в крови.

Да, я знал, какой будет моя первая битва на море. Знал я и то, что видело мысленное око Сигурда. Люди Эльдреда, возможно, никогда не дрались на воде, и сейчас они не готовы к битве. Едва мы ступим на борт «Фьорд-Элька», начнется настоящая резня. А когда мы всех перебьем, Сигурд возьмет три трофея, каждый из которых по-своему бесценен: голову Эльдреда, которую он, наш ярл, насадит на свое копье, принадлежавший олдермену сундук с сокровищами (где хранится кроме прочего священное евангелие Иеронима) и, наконец, сам «Фьорд-Эльк» – корабль, краше которого нет в сером море.

– Боги улыбаются нам, Ворон, – прорычал Свейн за моей спиной.

Теперь меня охватило беспокойство. Я даже стал бояться, что от волнения обмочу штаны. Мы уже почти подошли к краю бухты, и Эльдред вот-вот должен был нас увидеть. Лишь бы только Кинетрит держалась поближе к берегу и мы ее не задели.

– Откуда ты знаешь, Свейн, – спросил я, – что боги на нашей стороне?

Наши весла поднимались и опускались как одно, и капли воды едва успевали с них упасть, прежде чем лопасти вновь погружались в позолоченное солнцем море.

– Сегодня нет ветра, парень. При любом дуновении, даже если оно не сильнее того, что испускает твой зад, нападать и драться нельзя. Мой дядя Бодвар утонул, когда его ярл, Рагнвальд, начал бой во время шторма. – Свейн сделал глубокий вдох. – Они зацепили неприятельский корабль и крепко связали суда борт к борту для битвы. Но, видно, Ньёрд в тот день напился и рыгал. Оба корабля снесло на подветренный берег. Никто не выжил. Отец Бодвара сам видел все это со скал. – Под плеск весел «Змей» скользил по воде, как живая змея. – А сейчас ветра нет, и море спокойное, – заключил Свейн. – Боги с нами.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы представить себе улыбку, расплывшуюся на лице Свейна. Я стал шепотом просить у Одина дать мне храбрости и остановить дрожь, которая овладела моими мышцами, наполняя кишки водой и замораживая желудок.

Бросив взгляд назад, на берег, я, к своему облегчению, увидал Кинетрит. Она вышла из пологих волн и теперь стояла в мокрой рубашке рядом с отцом Эгфритом. Даже издалека виднелись ее груди под прилипшей к ним тканью, и я порадовался тому, что Эгфрит – раб Христов и, сколько я мог видеть, до женщин ему дела не было. Лица Кинетрит я сейчас не видел, хотя отчетливо его помнил. Я ощущал на себе ее запах, словно чары, и только он заставлял меня верить: мы вправду лежали вместе, это был не сон, навеянный мне Фрейей, богиней любви, что плачет красным золотом.

– Вот они, паршивые сукины дети! – взревел Сигурд, подавшись вперед так страстно, как Фенрир рвется на своей цепи. Мне несподручно было вертеться, но я представлял себе, какой ужас исказит лица Эльдреда и его людей, когда они прочтут узор своих судеб. – Бейте их всех! – крикнул Сигурд, и слюна, брызнувшая ему на бороду, блеснула в утреннем свете. – Только Эльдреда оставьте мне! Снесу голову любому, кто тронет это говно!

Я посмотрел на Пенду. Он стоял у мачты в нескольких футах от меня, держа наготове меч и щит, с деланой улыбкой на отмеченном шрамом лице. Весло ему пока не доверяли. Если желаешь быть принятым на такой превосходный боевой корабль, как «Змей», нужно уметь грести долго и быстро – так, чтобы прогнать судно через весь океан. А сражаться нужно, как сам черт. Грести англичанин вряд ли умел (весь первый день плавания он блевал в воду), зато воин из него был славный, и Сигурд это знал. Пенда родился для боя и достиг

редкого искусства в ратном деле. Потому ярл прощал ему неумение работать веслом. А стоял он еще и потому, что, хотя многие наши товарищи пали, нас все равно осталось больше, чем нужно гребцов на одном корабле.

– Придется тебе не трогать Эльдреда, – прокричал я по-английски.

– Кто сказал? – отозвался Пенда сквозь вопли викингов, приводивших себя в неистовство молитвами, проклятиями или просто завыванием.

– Сигурд! – ответил я.

Сакс плюнул под ноги и пробормотал себе под нос какое-то ругательство. Он хотел отомстить предателю сам, но, как и все мы, должен был набраться терпения. В нашем братстве слово Сигурда считалось законом, и закон этот ярл охранял собственной правой рукой и мечом своего отца.

При новом взмахе весла я откинулся назад, наслаждаясь тем, как играют мышцы плеч (моя спина раздалась вширь, и я гордился этим). Под кольчугой и кожаной курткой заструился пот. Удивительно, что Пенда может плеваться; у меня самого рот пересох, как иглы старой сосны. Правда, не я один был растревожен ожиданием боя. Двое викингов из тех, что не сидели на веслах, мочились через борт – это теперь, когда мы прямиком неслись на врага. С носа «Змея» слышались крики Асгота. Жрец взывал к Одину, властелину войны, Тору, победителю великанов, храброму Тюру, хозяину поля брани, и другим богам, о которых я раньше и не слыхивал, дабы они помогли нам одержать верх над врагами и всех их уничтожить – за то, что поклоняются Белому Христу, богу прокаженных и слабаков. При всей моей нелюбви к Асготу его неистовое вытье меня успокаивало. Все мы верили в чары жреца, ведь он, старый и тощий, служил еще отцу Сигурда, но был до сих пор жив, хотя многие более сильные мужи погибли.

– Убрать весла! – крикнул Сигурд.

Громко застучав деревом о дерево, мы торопливо исполнили приказ и заткнули отверстия кожаными пробками. Теперь я мог видеть то, что творилось на «Фьорд-Эльке». Люди Эльдреда в ужасе носились по палубе. Видно, олдермен узнал «Змея» по змеиной голове и понял: Сигурд пришел с ним поквитаться. Если предатель был не совсем глуп, ему следовало устрашиться. Его кормчий хотел увести корабль с нашего пути в устье реки… Ха! С таким же успехом он мог надеяться, что юные непорочные девы приплывут за ним в лодке, сделанной из золота и серебра. «Змей» шел прямо на «Фьорд-Эльк»: скоро суда столкнутся и хлынет кровь.

– Давай, Кнут! – гаркнул Сигурд, махнув рукой и сверкая очами, в которых вдруг загорелось неистовство.

Кнут рванул румпель. «Змей» страшно накренился, некоторые из нас попадали. Обернувшись, я увидел, как поднятая нами волна ударила «Фьорд-Эльк», качнув его, будто колыбель, и выбив палубу из-под ног наших врагов.

– Бейте их! – заорал Сигурд, швыряя копье в испуганную толпу неприятелей, отчаянно пытавшихся защититься.

– Потрошите этих жалких кобыл! Вы, кровожадные волки! – проревел Улаф и тоже бросил копье, угодившее в лицо огромному седовласому воину.

Мы все принялись, крича, бросать копья, и выпущенная нами туча принесла на борт «Фьорд-Элька» неминуемую гибель: когда викинг, чьи плечи за годы гребли превратились в железо, кидает копье, человеческая плоть порой не задерживает острия, и оно пронзает тело насквозь. Неприятель шел по спокойному морю, не чая беды, поэтому на людях не оказалось кольчуг. Теперь бедолаги толкались и бранились возле неглубокого трюма, где лежало их снаряжение. Когда враги сбиты в тесную кучу, промахнуться нелегко. Утреннее небо содрогнулось от воплей. В давке некоторые саксы пытались использовать друг друга как щиты. Флоки Черный и Брам уже вонзили крюки в борт «Фьорд-Элька» и, дико скалясь,

потянули за веревки, чтобы связать два корабля. Оск и Арнвид бросили еще несколько крючьев. Тот, что кинул Оск, слетел, но Арнвидов крюк зацепился. Бьярни схватился за канат. Теперь враги могли от нас оторваться, лишь перерезав веревки, что им едва ли удалось бы сделать, когда наши копья разили их, точно молнии. Трое саксов с побелевшими лицами и вытаращенными глазами стояли на корме, натягивая тетивы луков, однако корабли раскачивались в пылу сражения, и стрелы не попадали в цель. Лишь немногие из них долетели до нас, отскочив от наших щитов и кольчуг, в тот миг, когда суда с глухим стуком сошлись бортами.

Викинги заревели, и их рев был подобен грому. Сигурд, первым прыгнув на палубу «Фьорд-Элька», ударил двух саксов щитом, а меч вонзил в горло третьему. Растянувшись по всей длине «Змея» и размахивая оружием, норвежцы врезались в толпу неподготовленных врагов. Я перескочил через соединенные ширстреки после Пенды и поскользнулся на досках, уже успевших стать мокрыми от крови. Один из людей Эльдреда бросил копье мне в грудь, но я заслонился щитом и всадил в плечо саксу свой меч, который застрял в нем, как нож в тугом куске мяса. Враг закричал. Я пнул его левым башмаком в живот, заставив сложиться пополам, а затем пробил ему череп высвободившимся мечом. Убивать было легко. Англичане, плохо изучившие «Фьорд-Эльк», то и дело спотыкались и падали. Мы рубили их на части, и пар, подымавшийся от теплой крови прохладным утром, затянул палубу туманом, похожим на дыхание дракона.

– Эльдред! Эльдред! Где ты, червь? – кричал Сигурд сквозь грохот битвы.

Саксы стали просить пощады. Поняв, что им ее не видать, некоторые из них бросились за борт. Викинги догнали их и насадили на копья, как рыбу. Какой-то англичанин, заламывая руки и лопоча, пал на колени перед Пендой, но тот взмахнул мечом, и голова врага, исторгая кровь и подскакивая, покатилась по палубе. Увидав это, другой сакс, бросивший свое оружие, подобрал его и снова сжал кожаную рукоять. Если он знал Пенду, то должен был понимать: ждать от него милости так же бесполезно, как пачкать штаны. Уж лучше выбрать достойную смерть.

– Передай Сатане, что твой ублюдок хозяин скоро будет сосать то, чем делает детей! – прорычал Пенда, отталкивая вражеский меч в сторону и нанося противнику удар, который тот успел отбить.

Проворство неприятеля вызвало на лице моего друга подобие улыбки. Пенда сделал шаг назад и развел руки, словно нарочно открывая грудь, чтобы враг мог попытать счастья. Когда тот закричал и яростно замахнулся, Пенда отскочил, описал полный круг, развернувшись на пятках, и пронзил ему шею. Противник рухнул на колени. Обломок его ключицы, задетой мечом, остался торчать вверх наподобие страшной белой лучины. Алая кровь струей забила из раны, челюсть отвисла. Открытый рот зазиял черной дырой на черной бороде.

– Хочешь есть? – прорычал Пенда. – Попробуй вот это.

Острие меча вонзилось в череп поверженного спереди, а вышло сзади, но вытаращенные глаза так и не закрылись.

Едва мною успела овладеть жажда крови, как почти все было кончено. Мы с тошнотворной легкостью пропахали толпу англичан и теперь стояли среди изрубленных тел. Распоротые животы испускали зловоние. На искаженных от ужаса белых лицах застыла боль. Не дожидаясь приказа, мы сами выстроились стеной в четыре ряда перед мачтой «Фьорд-Элька». Асгот и семь или восемь викингов остались на «Змее» (на захваченном нами корабле было слишком тесно для того, чтобы мы все могли участвовать в битве, не мешая друг другу). Те наши воины держали наготове луки или копья и не спускали глаз с выживших англичан, которые, сжавшись в единый тугой узел, стояли на носу перед своим господином. Это были дюжие, зловещего вида мужи. Маугер, телохранитель Эльдреда, должно статься, знал, что ему уготовано: скоро черви будут глодать его плоть. Но если он и боялся, то виду не пода-

вал. Их, приближенных олдермена, было пятеро. Видно, все они надевали кольчуги, пока мы резали их соплеменников. Такие ни перед чем не останавливаются, и с нашей стороны было бы глупо отнестись к ним, как к мелкой рыбешке. Они выстроились в плачевно короткую плотную стену перед темным деревянным крестом, который возвышался на месте гордой головы Сигурдова змея. Длинные усы Эльдреда лоснились от жира, темные глаза злобно таращились.

Сигурд шагнул вперед. Меч его был черен от крови. Мне не составило труда догадаться, какого он мнения о кресте на носу «Фьорд-Элька».

– Ты ничтожен, Эльдред, – сказал ярл по-английски. – Твое слово стоит меньше, чем коровье дерьмо. Ты предал меня. Ты – убийца собственного сына. – Последнее было в глазах Сигурда столь отвратительно, что он плюнул. – Для таких, как ты, у меня в запасе только сталь. Пусть ворон клюет твое мясо, волк выедает мозг из костей, а черви дожирают оставшуюся пакость, пока ты не превратишься в жалкое пятно, грязь среди грязи.

Саксы крепко держали щиты, ожидая нападения. Глядя в глаза собственной смерти, они сохраняли горделивый вид, и, признаюсь, мне не хотелось их убивать. Эти люди были отцами и мужьями, но прежде всего они были воинами и потому не выказывали страха, не молили о пощаде. Злая судьба дала им ничтожного господина, и я надеялся, что они спасутся, хотя знал, что им не спастись.

За нашими спинами послышались всплески: викинги принялись бросать тела англичан за борт «Фьорд-Элька», пока кровь не въелась в дубовые доски. Даже морской бриз не смог рассеять вонь дерьма, смешанного с кровью, и я с неудовольствием подумал о том, как долго нам предстоит скрести палубу, когда все будет позади.

Эльдред взошел на боевую площадку, сооруженную на носу. Теперь он больше чем на целую голову возвышался над своими людьми и был соблазнительной мишенью для наших лучников и копьеносцев.

– Я уэссексский лорд! – возгласил он. – А ты кто такой? Ты – языческая мразь, что копошится в темноте, как муха в бараньей туше! С такими, как ты, я дела не имею. Христианин не должен связываться с тебе подобными, если не хочет получить нож в спину. Давай, Сигурд, козлиный сын! Подойди и отведай английской стали! Или ты дерешься только с невооруженными людьми?

По правде, речь Эльдреда была недурна, хотя мало кто из викингов оценил его остроумие. Мы подняли щиты и двинулись вперед, однако Сигурд велел нам стоять на месте.

– Хорошо, Эльдред, – сказал наш ярл. – Я готов был поспорить, что ты станешь умолять о пощаде, как трус, ведь трус ты и есть. – Такое оскорбление – тяжелый камень. – Но я рад, что ты решил умереть, как мужчина, хотя жил, как ничтожество. Уэссекс – славный край. Такой земле нужны воины, готовые погибать с мечом в руках, не то через двадцать лет ее наводнят викинги. За юбки ваших женщин будут держаться норвежские дети, которые вырастут мужами, верными Одину и Тору. А твоего Белого Христа, как пятно от мочи, никто и не вспомнит.

Эльдред свирепо вытаращил глаза, длинные усы затряслись.

– Я буду драться с тобой, Сигурд! – рявкнул Маугер, чье широкое лицо побагровело от ненависти. – К черту богов! Поглядим, на что способны люди!

Кое-кто из викингов заворчал: мол, пора бы уже прикончить этих собак, вместо того чтоб с ними разговаривать. Норвежцы поняли немногое из того, что было сказано, но угрозу они распознали и пришли в возбуждение. Маугер слыл лучшим ратником Эльдреда, гранитным мужем, прошедшим множество битв. О нем говорили как о величайшем воине Уэссекса, и я не хотел, чтобы Сигурд с ним сражался. Мой господин тоже был прирожденным воителем; и потом, даже ярл порой оказывается пленником собственной чести. Вызов, что бросил ему Маугер, затмил сияние сундука, доверху набитого серебром.

– Эльдред! Ты сразишься со мною сам. Тогда я убью тебя, а людей твоих отпущу. Они, я вижу, преданные воины и заслуживают лучшей доли, нежели умереть за такого, как ты. – Сигурд поднял меч и направил острие в олдермена: – Что скажешь? Будешь со мною драться?

Верхняя губа Эльдреда сморщилась, как старая кожа.

– Не буду, – фыркнул он. – Вместо себя я пошлю Маугера. Он сразится с тобой или с любым из твоих людей.

Маугер тряхнул головой, исполненный решимости. Мышцы его голых рук налились кровью под браслетами и нательными узорами. Это был грозный седовласый боец с каменным лицом, и я не завидовал тому, кому предстояло скрестить с ним меч.

– Я займусь этим ублюдком! – завопил Пенда, впившись в Маугера голодными очами.

– Что они говорят, Ворон? – прошипел Бьорн.

Мы стояли в третьем ряду и наблюдали за происходящим, выглядывая из-за плеч товарищей.

– Маугер бросил вызов Сигурду, – объяснил я по-норвежски.

Услыхав мой ответ, викинги принялись беспорядочно сыпать в англичан проклятьями.

– Я насру тебе на морду! – крикнул один.

– Родные матери не смогут собрать вас по кускам, смердящие подонки! – проорал другой.

Флоки Черный и Свейн Рыжий стали упрашивать Сигурда, чтобы тот позволил им сразиться с Маугером вместо него, но ярл велел всем придержать языки.

– Я ваш предводитель, и это мое право, – сказал он, вкладывая меч в ножны. – Опустите оружие, сыны Уэссекса. Даю вам слово, что сегодня вы не будете кормить воронов своим мясом. Я принимаю вызов Маугера. Если он победит, вы все свободны.

– А если не победит? – спросил один из саксов, за что Эльдред на него укоризненно зашипел.

Тому, что английский воин осмелился задать такой вопрос, я не удивился: в тот миг олдермен был для него не так страшен, как мы. Сигурд пожал плечами:

– Если выиграю я, то я и буду плести ваш вирд. Может, вы умрете, а может, и нет.

Англичане переглянулись. Их умы, верно, корчились, как змеи, пытаясь решить, что же лучше: понадеяться на победу Маугера и бесславно сложить оружие или же сразиться с нами и принять неминуемую, но достойную смерть. Вирд человека, его судьба, скрывается в туманной дымке. Несколько часов назад саксы плыли по спящему морю, не зная, что принесет им утро. Внезапно на них напали мы, язычники, – гости из страшных детских снов, пропитанных мочой. Англичане думали, что уничтожили нас, но мы явились и будем мстить. Мы завладели нитями их судеб и перерезали их. Эти гордые воины были слугами своего господина и остались верными ему до конца. По его приказу они склонились и опустили свои мечи на палубу «Фьорд-Элька».

– Славный выйдет поединок – настоящий хольмганг, как встарь! – сказал Бьорн, восторженно сверкнув глазами.

– И думается мне, брат, что первая кровь дела не уладит, – ответил Бьярни, ощерясь.

Нашу стаю разделили надвое: Улаф повел «Фьорд-Эльк», а Сигурд вернулся на «Змея» вместе с английскими пленниками и некоторыми из своих волков, включая меня. На обоих кораблях оказалось достаточно гребцов, чтобы плыть, но недостаточно для того, чтобы плыть быстро, и нашему ярлу предстояло найти выход из этого затруднения. Хотя когда на судне мало людей, то под парусом оно летит, как крылатый дракон, даже при набитом трюме.

– Связать их! – приказал Сигурд, едва мы вылезли из окровавленных кольчуг и пропотевших шлемов, которым предстояло лежать грязными до тех пор, пока ветер не позволит нам поднять парус и заняться чисткой.

Мухи не заставили себя долго ждать. Они облепили доспехи, оружие и палубу, упиваясь загустевшей кровью. Сперва мы пытались их отгонять, но после бросили. Поедателями мертвых тел у нас обыкновенно слывут вороны и волки – эти падальщики, что приходят на каждое поле брани. Мало кто вспоминает мух.

Ярл Сигурд, кивнув, плюнул за борт.

– Отцепляй, Дядя! – крикнул он.

– Будет сделано!

Выдернув крюки, Улаф покачал головой и зацокал языком: железо оставило на дереве шрамы – постыдное напоминание о том, что наш «Фьорд-Эльк» побывал во вражеских руках.

– Ничего, Дядя, ширстреки легко заменить, – сказал Брам, хлопнув Улафа по плечу, и снял последний крюк.

Корабли мягко закачались на ровной глади утреннего моря, задевая друг друга бортами. Теперь мы, сбросившие свою броню, были свободны, а англичане связаны. Их усадили на носу, под головой Йормунганда. На руки Эльдреда не стали тратить веревок: для олдермена это было скорее оскорбление, чем дань его высокому титулу. Так Сигурд решил ему показать, что он, Эльдред, не воин и опасен для нас так же, как женщина или дитя.

Воды прилива отнесли оба корабля ближе к берегу. Теперь мы гребли в обратную сторону, чтобы сперва отойти от скалистого мыса и лишь потом вернуться в бухту, где нас ждали отец Эгфрит и Кинетрит. Сгорая от желания скорее увидеться с нею, я предложил Пенде взять мое весло и поучиться гребле. Сейчас это было нетрудно: просто борись с течением, чтобы корабль не сносило. Однако мой друг сакс оказался не самым прилежным учеником. Я понял это, как только он обозвал меня собачьей задницей и послал меня к горным троллям.

– Рано или поздно тебе придется этому учиться, Пенда, – сказал я, чувствуя, что глаза мои улыбаются. – Лучше теперь, чем в шторм. Ты просто смотри на Арнвида и делай, как он. Я в тебя верю.

– Ах ты, дерзкий щенок! Это же чертовски тяжелая работа!

Моя усмешка не прибавила ему желания испытать свои силы, но после нескольких новых оскорблений он все же сел на мой сундук и взялся за гладкую еловую рукоять.

– Англичанин на веслах! Ты что, Ворон, вздумал нас утопить? – крикнул Бьорн.

Кто-то из викингов расхохотался, а кто-то помянул Ньёрда.

– Надеюсь, девица и раб Христов умеют плавать, Ворон? – спросил Сигурд, глядя на берег. – В высокой воде могут прятаться камни, на которые нам лучше не налетать. Так что этим двоим придется немного намокнуть.

– Кинетрит плавает, точно рыба, господин, – отозвался я, вспоминая, как утром тщетно пытался ее догнать. Мне уже казалось, что с того часа, когда мы вдвоем лежали на траве в укромной бухте, прошла целая жизнь. Теперь отец Кинетрит был нашим пленником, и я не знал, каково ей будет это увидеть. – Ну а что до монаха, господин, то мне неизвестно, под силу ли ему сюда доплыть. Надеюсь, нет. – Сигурд усмехнулся. – Или, может, Асгот попросит Ньёрда послать нам морское чудище, которое проглотит эту куницу?

– Бедное чудище; Эгфрит, должно быть, отвратен на вкус. Как скисшее молоко, тухлые яйца… или того хуже, – сказал Сигурд и стал заплетать свою густую золотистую бороду. – А что, Ворон? Легкая была битва, верно?

– Слишком легкая, господин, – ответил я, пытаясь прихлопнуть муху, которая не отставала от сгустка подсохшей крови на моей руке. – Я их почти пожалел.

Перевязывая косу кожаным шнурком, ярл покачал головой. С «Фьорд-Элька» доносился стук топора о дерево: викинги занялись крестом, который англичане водрузили на носу.

– Ты их пожалел? Да они, если б им это удалось, отрезали бы твои яйца и заставили бы тебя их съесть. Странный ты, Ворон. Любовь к врагу больше к лицу рабам Христовым, а тебя я взял в наше братство, чтобы ты, как велит нам Тор, любил хорошую битву. И не вздумай жалеть тех, кто мечтает высушить твои кишки на ветру.

– Я сказал, что *почти* пожалел их, господин. Но один из них обмочился прямо мне на башмаки. И тогда я подумал: «Хель вас всех побери!»

Сигурд расхохотался:

– Так-то лучше. Узнаю моего Ворона, сына грома.

Мы замахали руками, показывая Кинетрит и Эгфриту, что им придется подплыть к кораблю. Кинетрит принялась уговаривать монаха. Даже взяла его за руку и потянула к воде. Наконец они оба поплыли, да так легко, что я подумал: «Похоже, Эгфрит не куница, а выдра». Им спустили веревку, за которую они несколько мгновений держались, переводя дыхание, пока мы табанили[12], борясь с течением. Потом их втащили на борт, как рыбу, и дали им покрывала. Увидав на носу «Змея» своего отца, Кинетрит, и без того бледная от холода, побелела как смерть.

– Я хочу говорить с ним, – сказала она, роняя на палубу капли воды с длинных волос.

Эльдред заметил дочь, и глаза его потемнели, будто от удара мечом по лицу. Однако он встал, подняв подбородок, и принужденно улыбнулся. Слуги олдермена остались сидеть, потупив взоры. Каждый из них теперь думал о своей участи. Я обратился к Сигурду, чтобы спросить, можно ли девушке подойти к отцу, но ярл метнул взгляд мне за спину, и я, повернувшись, увидел, что она уже шагает по палубе, бросив мокрое покрывало и на ходу связывая волосы.

– Пригляди-ка за ними, Ворон, чтобы она его не убила, – сказал Сигурд, почесывая заросшую бородою щеку.

И я пошел за Кинетрит.

[12] Табанить – грести в обратном направлении, чтобы развернуть судно или дать задний ход.

Глава 6

Я встал за спиной Кинетрит и угрожающе воззрился на Эльдреда, который меня будто бы не видел. Он смотрел лишь на дочь, и глаза его казались такими же понурыми, как его усы.

– Эти черти тебе ничего не сделали? – спросил олдермен, обращаясь к Кинетрит.

Мне захотелось высказать, *что* я о нем думаю, однако я лишь сжал рукоять меча, висевшего у меня на боку, и прикусил язык.

– Нет, отец. С чего бы им причинять мне вред? Я их не предавала.

Эти слова прозвучали пресно, как ячменный хлеб, и все же они поразили Эльдреда: раскачиваясь от мягких колебаний «Змея», он стиснул резкие челюсти, и на щеках его проступили желваки.

– Почему ты здесь, дочь моя? Среди… – Олдермен бросил взгляд на меня. – Среди язычников? Этот изверг, должно быть, околдовал тебя, иначе ты не потерпела бы его рядом с собою. Он отпрыск нечистого. Разве ты не знаешь, каковы их дикие верования? Их богомерзкие обычаи?

Кинетрит посмотрела на меня, и, клянусь, она как будто подумала, что отец не так уж и не прав. Я скрестил руки на груди и приподнял брови, предлагая ей ответить на последние слова олдермена, но она, снова повернувшись к нему, сказала:

– Ты повинен в смерти моего брата.

– Не забывай, что его взяли язычники. Они схватили вас обоих и увезли из страны Кенфульфа. Никто, кроме них, не виноват в его смерти. Думаешь, я не горевал о Веохстане? О моем сыне? Я всего лишился. Бог нас покинул, Кинетрит. – Эльдред дрожал, и мне оставалось лишь надеяться, что он не заплачет, как маленькая девочка. – Господь отвернулся от нашей семьи. Ты только посмотри на нас, дочь!

– Веохстан тебя любил, – произнесла Кинетрит. Ее голос, глухой от скорби, был словно выжат, как старая тряпка. – Твой сын был лучше тебя.

– Ах, Кинетрит! – ответил Эльдред, склоняясь к ней с вымученной полуусмешкой на устах. – Хоть в этом мы с тобою согласны друг с другом.

Я тронул Кинетрит за локоть.

– Пойдем. Оставь его, пускай тушится в собственном жире.

Две чайки, пронзительно крича, кувыркались над носом «Змея». Одна из них устремилась вниз и скользнула по воде, но взлетела без добычи – лишь с воплем отчаяния. Кинетрит как будто захотела сказать еще что-то, однако промолчала, слегка покачав головой, и возвратилась со мной на корму.

– Сегодня же, до захода солнца, он станет едой для червей, – прорычал Сигурд по-норвежски, когда мы проходили мимо мачты.

– Чем быстрей, тем лучше, господин, – пробормотал я на его языке, наклоняясь, чтобы достать из трюма сухое одеяло для Кинетрит.

Закутавшись, она приблизилась к моему сундуку, села рядом с Пендой и, обхватив руками колени, стала смотреть на море. Я хотел подойти и попытаться отвоевать хоть крупицу того, что мы разделили с нею на рассвете, в песчаной бухте, но понял: чем бы это ни было, оно уже уносилось прочь, гонимое утренним ветром, и его не вернешь, как не вернешь тепло, испаряемое открытой раной. Появившись на корабле, Эльдред словно отравил воду для Кинетрит и меня. Я был бы рад, если б Асгот подошел к олдермену, перерезал ему горло и бросил труп в океан как жертву Одину или любому другому из хозяев Асгарда, с кем он, наш жрец, в ладах.

Я взял у Пенды свое весло, чем обрадовал и викингов, и самого англичанина: он бросился прочь, прежде чем я успел как следует схватиться за рукоять. Она выскользнула и проскочила бы в отверстие, если б я не поймал ее, ударившись о борт коленом. На меня посыпались ругательства, и я смутился, ну а Пенда уселся на палубе, словно ничто его не касалось, достал из-за пояса точильный камень и, поплевав на него, принялся острить свой меч.

Эгфрит отыскал евангелие в трюме англичан. Никто из викингов не хотел касаться христианской книги, и Кнуту пришлось подвести «Змея» вплотную к борту «Фьорд-Элька», чтобы монах смог перелезть через ширстреки. Он долго рылся в сундуках, непрестанно разговаривая не то с самим собою, не то со своим богом, и наконец воскликнул:

– Вот оно! Хвала всемогущему Господу, оно здесь! – Прижав к груди книгу в шелковом мешочке, он неистово вытаращил свои маленькие глазки. – Реликвия снова в безопасности, я нашел ее! Благодарю Тебя, милосердный Боже! Ты вверил священные письмена святого Иеронима Твоему ничтожному рабу! Эй, Ворон! *Calix meus inebrians* – чаша моя преисполнена![13]

– Я знавал девчонок, которые могли перепить тебя, монах, – ответил я, а он махнул рукой так, словно я был слишком глуп, чтобы что-то смыслить.

Заполучив пленников-англичан, евангелие Иеронима и «Фьорд-Эльк», что шел теперь следом за нами, мы легко и мерно налегали на весла. «Змей» двигался на юг вдоль суши, но не жалась к ней: Сигурд не хотел, чтобы мы натолкнулись на какое-нибудь франкийское судно, охраняющее прибрежные воды, или чтобы рыбаки, вернувшись к своим очагам, сообщили, что видели два корабля-дракона. Нам было велено смотреть, не покажется ли остров, или устье Секваны, или уединенный монастырь, спрятанный в зелени, как спелое яблочко, упавшее в траву: ни один истинный викинг не оставил бы без внимания обитель, утопающую в серебре и охраняемую одними лишь монахами. Если бы первой на нашем пути показалась река, нам следовало развернуться и плыть на восток, ибо земля франков – не место для язычников. Ну а остров был нужен нам, вернее Сигурду, для того, чтобы воздать должное старинному обычаю хольмганга.

– Хольмганг? – произнес Пенда, вертя на солнце свой меч и проверяя, нет ли на лезвии зазубрин. – Что еще за языческое дерьмо?

Кинетрит тоже посмотрела на меня. Я поднимал свое весло, двигаясь согласно с Арнвидом, сидевшим передо мною. Лицо Кинетрит выражало страдание, губы были поджаты, и я догадался, что у нее новый приступ морской болезни.

– Это поединок, Пенда, – ответил я. – Между двумя мужами. Он, видно, должен быть на острове.

Не сумев к этому ничего прибавить, я обратился к Бьярни.

– Это бой за честь, – сказал викинг, плавно и как будто без малейшего усилия работая веслом. – Честь как весы, чаши которых должны быть выровнены. Нельзя допускать, чтобы равновесие нарушалось. Если такое случается, мужчина теряет уважение людей, и всю его семью могут презирать. Любой, кто достоин носить свою шкуру, станет биться с оскорбившим его и отвоюет поруганную честь. Но это не просто свара. Есть правила. Бой должен происходить на необитаемой земле или в особом удаленном месте. В моей деревне такое место есть. – Голубые глаза Бьярни расширились. – Там трава сразу вырастает красной, потому что испокон века на нее лили кровь.

Флоки Черный, сидевший у меня за спиной, пробормотал:

– Честь мужчины кровожадна.

Я перевел Кинетрит и Пенде то, что рассказал мне Бьярни. Мой друг не смог припомнить, чтобы в Уэссексе или другом английском королевстве был подобный обычай. Там

[13] Пс. 22:5.

кровная вражда катит, как колеса телеги, устилая путь все новыми и новыми мертвыми телами, поколение за поколением, даже когда обиды, с которой все началось, никто уже не помнит.

– Обыкновенно поединок завершается, когда один из противников калечит другого ударом в ногу, – продолжал Бьярни, – однако порой бой становится последним для обоих. Лучший хольмганг, какой мне довелось увидеть, произошел, когда я был еще безбородым мальчишкой. Из деревни до того места было четыре дня ходу, но все мужчины взяли своих собак и пришли: уж очень непростые люди собирались драться. – Толстые губы Бьярни искривились в улыбке. Не глядя ему ниже шеи, никак нельзя было понять, что он гребет. – Одного звали Гнупа. Этот сукин сын вставлял каждой женщине, которая только поглядела в его сторону, и некоторым из тех, что никогда на него не глядели. Еще все знали его как убийцу, потому-то кувыркание с чужими женами и сходило ему с рук. Гнупа часто являлся в нашу деревню продавать оленью кость, медвежьи шкуры и всякое такое. Заработав немало деньжат, он напивался и устраивал заваруху. Противника его звали Краки. Это был сын нашего вождя, сильный и ловкий парень, которому сулили славное будущее. Уж не знаю, с чего вдруг его молодая женушка (не помню имени сучки) вздумала раздвинуть ноги перед Гнупой, но она это сделала. Так, по крайней мере, говорили люди. Вождь твердил, будто все это грязные торговые сплетни и дело лишь в ценах на товары Гнупы. Старик пытался замазать трещину в добром имени сына. Но Краки потребовал хольмганга, и, думается мне, отец гордился им, хотя и не желал поединка.

Я остановил Бьярни, чтобы, пока чего-нибудь не позабуду, передать его рассказ Пенде и Кинетрит. Потом я кивнул, и викинг продолжил:

– Так вот. Они встретились в месте, которое выбрал Гнупа. Было оно у черта на рогах. Верно, торговцу хотелось расправиться с сыном вождя без свидетелей. Нам пришлось побросать работу, но, как я уже говорил, мы все пришли смотреть поединок. Краки в деревне любили, и многие надеялись, что он сделает то, для чего у них кишка оказалась тонка. Женщины тоже притащились. – Бьярни усмехнулся. – Видно, Гнупа был по нраву их срамным местам. – Этого я не перевел. – Вопреки обычаю, противники не взяли щитов…

– Бараны безмозглые, – вставил Флоки Черный.

– Да, зато храбрые, – ответил Бьярни. – Начали они осторожно. Кружили друг вокруг друга, точно волки. Опыт против молодости. Оба правши. – Он усмехнулся: – Мы ждали славной долгой битвы и аж чесались от нетерпения. Но Гнупа и Краки разом закричали, сделали выпад, замахнулись и начисто снесли друг другу головы! Из обрубков шей на нас хлынула кровь, головы, дважды подпрыгнув, укатились в грязь. Глаза, заляпанные всякой дрянью, были огромные, как земной диск. Гнупа повалился набок и трясся, как рыба, а Краки упал на колени да так и остался стоять, будто скала, сжимая меч в руке. Мы были как громом поражены и даже не почувствовали досады оттого, что битва вышла такая короткая. Просто таращились и ловили ртами мух. На этом все и кончилось. Больше я ничего подобного в своей жизни не видал. До ближайшей полной луны вождь умер. Бабка моя сказала, что от разбитого сердца.

Я сделал вдох и перевел окончание рассказа на английский.

– Какая ужасная история, Ворон! – простонала Кинетрит.

Мне показалось, что она с трудом сдерживает рвоту.

– Не я ее рассказал, – ответил я, оправдываясь.

– А мне понравилось, – протянул Пенда, задумчиво почесывая шрам на лице. – Особенно конец. Однажды я видел, как один идиот чуть сам себе не отрубил ногу топором. Но чтобы так… Занятная история! Попроси язычника, пусть расскажет еще.

Я взглянул на Кинетрит. Она подошла ближе к борту, ожидая, что ее вот-вот вывернет.

– Может, попозже, Пенда, – сказал я.

Он возразил:

– Девушку просто укачало, Ворон. Хороший рассказ ее отвлечет.

По правде говоря, я сам не хотел больше слушать таких историй. Мои мысли без того почернели, и ни к чему было лишний раз пятнать их кровью. Сигурду предстояло драться с Маугером, первым воином Уэссекса. Наш ярл мог разделить участь тех, о ком рассказывал Бьярни. Что бы мы стали делать без Сигурда?

В тот день викинги приметили три лодки у берега и одну ладью, что шла к востоку вдоль северного края моря. Ветер был слабый и теплый. Мы гребли, по пояс раздетые, наслаждаясь тем, как воздух обдувает наши тела, высушивая струйки пота. Небо все еще оставалось почти безоблачным, и в его голубизне мы уже различали коричневый дымок, поднимавшийся из-за прибрежных скал и холмов. Не сегодня, так завтра мы подошли бы к Секване, поэтому Сигурд велел в последний раз бросить якорь, перед тем как повернуть на север. Нужно было покончить с нашим делом. Пролить кровь. Будь мир совершенен, мы подыскали бы для хольмганга скалистый остров, не принадлежащий никому из людей, однако мир не совершенен, и такого острова нам не встретилось. Сигурд должен был сразиться с Маугером на франкийском берегу.

– Хольмганг на христианской земле? – вскричал Асгот, брызнув слюной и так тряхнув жидкими лохмами, что вплетенные в них кости застучали. – Не к добру это, Сигурд! Человек, с которым ты дерешься, – христианин. Там его бог силен. – Жрец кивком указал на берег.

Мы продолжали грести, но наши уши жадно ловили все, что до них долетало. Сигурд провел рукой по золотой бороде:

– А что говорят кости, годи?

Жрец скривил рот.

– Неясно. Будущее сокрыто. Надо подождать. – Он указал на англичан, сидевших под головой Йормунганда. Они разговаривали меж собою, стараясь, по-видимому, поднять боевой дух Маугера; лица их были тверды и свирепы. – Увези англичан на север, убей их и брось в наши холодные воды. Богам это будет угодно. Ты ничего не должен врагам. Так и не давай им ничего, кроме смерти, мой ярл. Они обошлись бы с нами так же.

Несколько мгновений Сигурд размышлял над словами жреца, нахмурив чело и покусывая полную нижнюю губу. Затем покачал головой:

– Я дал слово и сражусь с сукиным сыном. Еще до того, как взойдет луна, дело будет улажено. Когда кровь Маугера обсохнет на моем мече, я отдам Эльдреда тебе. Делай с ним, что пожелаешь.

При последних словах пожелтевшие глаза Асгота зловеще вспыхнули, а когтистая рука схватила рукоятку ножа, заткнутого за пояс. Поклонившись Сигурду, жрец с нарочитой торжественностью повернулся и зашагал к пленным саксам. Я услышал, что он, коверкая английский язык, устрашает их обещаниями боли и смерти.

Убрав Йормунганда, дабы не оскорблять духов тамошней земли, мы благополучно подвели оба корабля к берегу. Под днищами заскрежетала галька. Люди соскочили вниз и за веревки оттащили суда подальше от прибоя. Не найдя больших камней, к которым можно было бы их привязать, мы обухами топоров вбили в берег восемь заостренных кольев, припасенных для таких случаев. Затем Флоки Черный в сопровождении нескольких других викингов по обыкновению отправился на разведку. Остальным было дано не менее важное поручение: собрать хворост для костра. Убедившись в том, что все спокойно, мы притащили с кораблей железные котлы. Пятерым людям Улаф приказал отскрести «Фьорд-Эльк» от крови и грязи, а мне велел стеречь англичан, в особенности Эльдреда. Я был рад такому заданию: оно избавляло меня от чистки. Кровь въедается с дубовые доски, и, чтобы вывести ее, нужно пролить целый бочонок пота. Но даже после этого темнеют на палубе пятна, пока не настанет Рагнарёк – конец света.

В некотором отдалении от кромки воды громоздились тысячи камней, гладких, точно куриные яйца, а за ними стеной стояли рябины, ясени и кусты бузины. Время от времени до нас долетал сладкий запах зелени, тонувший в запахе моря.

Асгот послал Брама и Свейна Рыжего поймать лису, барсука или зайца – любую тварь, что родила эта земля, – строго-настрого велев им взять зверька живьем. Не мешало принести богам кровавую жертву, прежде чем наш ярл сразится с прославленным воином. Когда Брам и Свейн вернулись, мы уже успели расправиться с ужином – варевом из тюленьего мяса и грибов. Час был поздний, и лица охотников не выражали ликования, из чего мы поняли, что вернулись они с пустыми руками. Дюжие мужи тяжело опустились на землю у костра из березового хвороста, взяли протянутые им дымящиеся миски и принялись молча есть. Никто не отважился спросить их об охоте. Даже Асгот придержал язык, хотя по его роже, кислой, как перестоявшее молоко, я понял: в неудаче Свейна и Брама он видит дурной знак.

Пленных тоже накормили. Сигурд лично подал Маугеру миску, полную до краев, чтобы англичане потом не приписали поражение своего воина голодному недомоганию. Ну а сам побежденный уже ни на что не должен был жаловаться – по крайней мере, в земной жизни. Маугер поблагодарил ярла коротким кивком. Когда он доел вторую миску, даже муравей не смог бы насытиться тем, что осталось на донце.

В костре потрескивали березовые ветки. Гул приглушенных голосов повис над пламенем, словно нити еще не сложенной саги. Что станется с нашим братством, если Маугер победит? Вероятно, викингов поведет Улаф, и, несомненно, они за ним пойдут. Но куда? Присягнут ли ему воины, как присягали своему ярлу?

– Пора. – Поднявшись, Сигурд осушил рог с медом. Он стоял с противоположной стороны костра, и отсветы огня плясали на заостренных чертах его лица, словно вырезанного из хорошего сухого дуба. – Дядя, ты будешь моим подручным.

Улаф торжественно кивнул. Я посмотрел на Бьярни, и тот, отерев ладонью мед с губ, пояснил:

– Обычай требует, чтобы у каждого из противников был помощник, щитоносец. Он не вооружен и сам не имеет права участвовать в битве. Да, и… – Бьярни поднял четыре пальца, пьяно нахмурился и один палец согнул, – каждому из тех, кто дерется, можно иметь три щита. – Он фыркнул: – Только щиты эти недолго остаются целыми.

– Ворон, – окликнул меня Сигурд, указав туда, где сидели пленные, – ты будешь подручным Маугера.

– Господин? – пробормотал я с полуулыбкой, решив, что ярл шутит.

– Принеси англичанину три щита. Хороших, с железными краями. – Сказав это, Сигурд связал на затылке волосы, которые блестели в отсветах костра, как потускневшее золото, и прибавил: – Да проследи, чтоб он не забыл свой меч. А ты, годи, готовь место. Ничего, что твой нож остался сухим. Мы принесем жертву потом, когда дело будет сделано.

Асгот, встав, кивнул засаленной головой, призвал в помощники Бьярни с Бьорном и, шурша галькой, направился вместе с ними вниз по берегу, туда, где виднелись стройные очертания наших судов. На кормовые доски ложился свет, отражаемый белыми волнами прибоя. Я на миг замешкался, увидев, как Флоки Черный что-то нашептывает ярлу, держа ладонь на рукояти меча. Мне стало ясно: он упрашивает Сигурда, чтобы тот позволил ему сразиться с Маугером вместо себя. Сигурд положил руку на плечо своего воина и покачал головой. Флоки огорченно понурился.

Я пошел на «Фьорд-Эльк» за тремя хорошими щитами.

Глава 7

Бьорн и Бьярни принесли двенадцать старых плащей и разложили их на земле четырехугольником футов по девять от края до края. Миновав круглые камни, мы прошли в глубь берега, откуда не слышалось ни тихое бормотание моря, ни потрескивание костра. Место было более или менее ровное. Низкие деревья, стоявшие поодаль, раскачивались, тесня друг друга и гремя листьями на ночном ветру. Некоторые из нас готовили площадку: вырубали заросли жимолости и вьюнков, струивших сладкий запах, когда мы их тревожили. Как только плащи были разостланы и закреплены колышками, Асгот острием копья обвел квадрат тремя чертами с промежутками в фут. По углам вбили грубо вытесанные ореховые палки, а между ними натянули веревки. Улаф и Брам Медведь зажгли воткнутые в землю факелы. В их непрерывно мигающем свете арена стала растягиваться, искривляясь, как в странном сне. Струйки смолистого дыма вились вокруг нас, украдкой собираясь в клубы и поднимаясь в бледное вечернее небо, подобно черным духам.

Когда все приготовления были закончены, старый жрец обозрел площадку и, удовлетворенно фыркнув, велел мне идти за «тухлыми свиными потрохами», подразумевая Маугера, Эльдреда и других саксов.

Я нашел противника Сигурда на песке неподалеку от кораблей. Он лежал на спине, прижав одно колено к широкой груди и направив вторую ногу на мачту «Фьорд-Элька». Налитые силой мускулистые руки ухватились за лодыжку поднятой ноги и подтянули ее выше, разрабатывая подколенное сухожилие. Браслеты, которыми Маугер так гордился, уже лежали в нашем трюме среди других сокровищ, и на коже бывшего обладателя остались от них лишь следы. Воина можно лишить добытых в бою трофеев, но и без них доблестный муж сохраняет грозный вид. Умерить гордость Маугера под силу было только хорошему мечу.

– Сигурд ждет, – сказал я.

Флоки Черный стоял чуть позади, уперев рукоять копья в песок, и из темноты бросал на англичан полные ненависти взоры. Приближенные Эльдреда все еще сидели у костра, как и некоторые из викингов. И тех и других уже начинал будоражить дух предстоящей схватки.

– Подождет, – рявкнул Маугер, морщась от добровольно претерпеваемой боли растянутых мышц.

Когда он одним плавным перекатом поднялся с земли, оказавшись так близко ко мне, что мог бы до меня достать, мое сердце часто забилось. Я слыхал о невероятной силе этого англичанина. Он так же легко сломал бы хребет мне, как я – собаке. Не сводя с меня глаз, Маугер расслабил шею и плечи. Донесся едкий запах его злого пота.

– Я буду твоим щитоносцем, – мрачно произнес я.

Он нахмурился, толстая шея втянулась.

– Ты?

Я пожал плечами:

– Да.

– Чего ради ты?

– Не я так решил. Будь моя воля, мы бы связали тебя и упражнялись бы на твоей туше в стрельбе из лука, – ответил я. Флоки Черный вышел из тени, почуяв неладное. – Но Сигурд велел мне держать твои щиты, и я буду их держать.

Маугер с улыбкой потянул богатырские мышцы рук, отчего узоры на коже исказились. Повернувшись к морю, он сделал три глубоких вдоха в лад с мерным плеском прибывающей воды. Посмотрел на меня, потом на Флоки, потом опять на меня.

– Так и быть, парень, – сказал Маугер, отхаркиваясь и сплевывая на песок. – Давай поглядим, на что способен твой ярл.

Мы отдали англичанину его меч, кольчугу, шлем и щит, а я принес еще два щита, добротно сработанных и совершенно целых. Мы двинулись к месту сражения, оставив костры позади. Красно-черные угли, обдуваемые ветром, прерывисто тлели. Трое оставшихся викингов проводили нас угрюмыми взглядами: им выпало охранять корабли, хотя они всё отдали бы, чтобы увидеть битву. Выйдя из полосы света, мы на несколько мгновений остановились, давая глазам привыкнуть в темноте. Потом Флоки приметил слабое пламя факела и темные людские очертания по другую сторону от зарослей кустарника.

– По мне, ты не похож на раба Христова, Маугер, – сказал я. – Но если ты все же христианин, то сейчас для тебя самое время подумать о душе.

– Ты думаешь, кровавый глаз, что твой ярл сможет меня побить? – ответил англичанин так, будто мои слова скорее удивили его, чем оскорбили.

– В жилах Сигурда течет кровь асов. Он потомок Тюра, бога войны. А может, и самого Одина. О тебе, Маугер, ходит слава. Должно быть, ты сумел уложить на землю одного-двух воинов. Но Сигурд – дело иное. Он рожден, чтобы убивать.

– Посмотрим, для чего он рожден, – ответил Маугер, тяжело и шумно ступая по камням, густо поросшим колючками.

Моя попытка заронить в его мозг семена сомнения оказалась, как и следовало ждать, напрасной. Столь опытного бойца слова могли потрясти не больше, чем ветер – скалу.

Толпа расступилась, и уэссексский воин прошествовал на арену. Я за ним. Ладони мои были мокры от пота, дыхание стало коротким и рваным. Зрители стояли грозной стеной, на их суровых бородатых лицах играли тени, губы были сжаты. Запах пота, кожи, жира и грязи заглушал медвяное благоухание цветов.

Маугер и Эльдред обменялись кивками. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь шипением факелов, шорохом листьев да поскрипыванием и треском деревьев, скрытых в ночи. Где-то скрипуче крикнула хищная птица. Волк завыл ей в ответ, требуя свежей крови. Там, во тьме, смерть уже вступала в свои права.

При виде Сигурда, стоявшего внутри веревочного ограждения, я невольно улыбнулся. Шлем, отражавший пламя, отбрасывал тень на глаза, нацеленные на Маугера. Скулы проступали под кожей, как лезвия ножей. Часть бороды, висевшая ниже подбородка, была заплетена в косу и походила на толстый канат. Чешуя кольчуги сверкала в факельном свете точно золото. Отцовский меч, подвешенный у бедра, словно бы слился с Сигурдом и принадлежал его телу так же, как руки и ноги. У груди ярл держал круглый выпуклый щит с изображением волчьей головы – блестящий, без единой вмятины. Сигурд был неотразим.

Я знал, что Кинетрит где-то в толпе, но запрещал себе искать ее взглядом. Английские воины стояли рядом с Эльдредом. Один из них встретил Маугера бодрым возгласом, который был подхвачен воодушевляющим ревом соплеменников. Тогда люди Сигурда тоже закричали, поддерживая ярла, и арена на миг утонула в разноголосом шуме. Я увидал Пенду, стоявшего, скрестив руки. Он приподнял подбородок, приветствуя меня, и в этом сдержанном жесте словно бы отразилась мрачная торжественность предстоящего. Я поворотился к Сигурду, чтобы просить его найти для Маугера другого подручного, из саксов, – может, даже самого Эльдреда. Почему я должен держать щиты английского воина, когда предпочел бы видеть его мертвым? Я собрался было произнести это вслух, но в тот миг ни один из живущих на земле не отважился бы заговорить с нашим ярлом. Пришлось мне прикусить язык и стать за спиной у Маугера, который, нагнувшись, преодолел веревочное ограждение и занял место напротив Сигурда. Позади ярла стоял Улаф. Лицо старика казалось невозмутимым, как скала.

Асгот, шаркая, вышел на середину площадки. Его пожелтевшие глаза отяжелели от тревоги, а губы высохли и потрескались от молитв. Едва он поднял руку, все вокруг замолчали.

– Маугер принял вызов, пожелав сразиться с Сигурдом согласно древнему обычаю хольмганга, – каркнул жрец и кивнул мне, чтобы я перевел его слова англичанам. Когда я это сделал, он продолжил: – Каждый из противников должен оставаться на этих плащах, ни на палец не выступая. Обыкновенно бой заканчивается, когда на плащ падает первая капля крови, но в этот раз будет иначе. Хольмганг не прекратится до тех пор, пока один из двоих не упадет замертво. – Улаф подлез под веревкой и перешагнул черту, оставленную копьем жреца. Что все это значило, я не понял. Между тем Асгот продолжал: – Каждому воину дается подручный, который защищает его, пока целы щиты. – Мне показалось, будто меня ударили в лицо. А жрец все говорил, указывая в небо костистым пальцем: – Ни один из подручных не может нападать на противника или его человека. Он только защитник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.